

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhib.am/>

E-mail: info@artsakhib.am

Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhiblibrary>

Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

Беженцы

Территории

Безопасность

ЕРЕВАН 2005

Карабахский конфликт

Беженцы, территории, безопасность

НАИРИ
ЕРЕВАН
2005

ՀՏԳ-325
ԳՄԴ-66.3 (2Հ)
U710

Минасян и др.

U710 Карабахский конфликт. Беженцы, территории, безопасность/
С. Минасян, М. Агаджанян, Э. Асатрян- Ереван. Наири, 2005, 94 стр.
Тираж: 1100 экз.

Карабахский конфликт
Беженцы, территории, безопасность

Авторы:

Сергей Минасян, директор научно-исследовательского центра по интеграции и вопросам безопасности на Южном Кавказе при русско-армянском государственном университете, политолог, кандидат исторических наук

Михаил Агаджанян, научный сотрудник научно-исследовательского центра по интеграции и вопросам безопасности на Южном Кавказе при русско-армянском государственном университете, юрист-международник

Элеонора Асатрян, председатель общественной организации "Содействие всеобщему управлению качеством", эксперт по управлению системами качества, аудитор

Не предусмотрено для продажи

Этот труд предусмотрен для специалистов, вовлеченных в процесс урегулирования проблемы на Нагорном Карабахе в разных структурах ООН, ОБСЕ, НАТО, СНГ, ЕС. Он также является полезным руководством для экспертов, политических деятелей и занимающихся карабахской проблемой.

Опубликованию этого труда содействовали армянские меценаты Тигранун Ругинян и Эдмонд Ругинян.

Труд опубликован при инициативе общественной организации "Содействие всеобщему управлению качеством".

U-0803010413-2005
705(01)2005

ԳՄԴ-66.3(2Հ)

ISBN 5-550-01421-1

Введение

Возникнув как конфликт по поводу реализации коллективного права нации на самоопределение, на право распоряжаться своей судьбой, пройдя этап военного отстаивания данного права, карабахский вопрос может быть разрешен, только продолжив свое человеческое (гуманитарное) измерение. Разрешение карабахской проблемы в гуманитарном измерении должно являться основной целью, к которой надо стремиться, тогда как другие измерения проблемы - военно-политическое и социально-экономическое, являются производными факторами, находящимися в исключительной и прямой зависимости от гуманитарного измерения конфликта. При этом любое разрешение карабахского конфликта, нынешняя фаза которого началась с гуманитарной катастрофы в виде массовых убийств армян в Баку и Сумгаите, а также последующих этнических чисток, депортации и изгнания в 1988-1990 гг. почти 500 тыс. граждан армянской национальности бывшей Азербайджанской ССР (Аз.ССР), должно в первую очередь подразумевать восстановление справедливости и возмещение нанесенного морального и материального ущерба этим людям. Это обстоятельство, т.е. полное восстановление справедливости для указанной категорий лиц, обязательно должно учитываться всеми сторонами, вовлеченными в процесс разрешения конфликта. Тем самым, начавшись с гуманитарной ка-

13076

гастрофы, карабахский конфликт именно в гуманитарном измерении и должен быть справедливо разрешен в полном соответствии с основополагающими принципами и целями международного права¹.

Сложившаяся реальная ситуация, имеющая конкретные военно-политические и социально-экономические составляющие, требует разъяснения и освещения понятия *гуманитарное измерение* конфликта. Если в военно-политическом и экономическом аспекте конфликта сложилась достаточно стабильная ситуация, которая, однако, несет в себе определенный элемент «тупиковости» по отношению к дальнейшей динамике противостояния (другими словами, военно-политическое и тем более экономическое взаимодействие между противоборствующими сторонами в лице Нагорно-Карабахской Республики (НКР) и Азербайджанской Республики (АР) практически полностью отсутствуют), то выходом из данной ситуации следует предположить преодоление указанной «тупиковости» продвижением инициатив в гуманитарном измерении карабахского конфликта.

При этом следует уточнить, что эпизодические контакты между Республикой Армения (РА) и Азербайджанской Республикой

¹ Согласно Статье 1-й Устава ООН: «Организация Объединенных Наций преследует Цели:

1. Поддерживать международный мир и безопасность... и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира...».

на уровне глав государств и внешнеполитических ведомств не могут содержать в себе всеохватывающий потенциал по урегулированию, причем данный тезис особенно характерен и относим к гуманитарной стороне конфликта, так как:

1. РА и АР могут так или иначе договариваться по военно-политическим вопросам и это будет иметь определенный вес для НКР, хотя в чисто военном аспекте данная мысль страдает своей определенной ущербностью (т.к. в реальности линия фронта на карабахском направлении контролируется в основном Армией обороны НКР);
2. РА и АР могут иметь определенные договоренности в социально-экономическом направлении и это будет иметь принципиальный вес для дальнейших действий НКР, однако;
3. РА и АР не могут договариваться по гуманитарной и иной проблематике конфликта в той части, которая полностью находится в ведении НКР (*в частности, РА не может нести ответственности за урегулирование противоречий между НКР и АР, в том числе относительно последствий конфликта, выходящих за рамки границ Армении*).

Гуманитарная проблематика конфликта - это, в первую очередь, вопрос беженцев и вынужденных переселенцев, вопрос гражданства этих лиц и, соответственно, вопрос политико-правовой

связи конкретного человека с тем или иным субъектом международного права в лице суверенного государства. Данный вопрос имеет исключительную важность не только в силу того, что речь идет о десятках и сотнях тысяч людей, которых стали, по сути, основными жертвами конфликта, но и по той причине, что именно от того, как будет решена их судьба и обеспечено право на нормальную и безопасную жизнедеятельность, зависит и формат возможного в перспективе урегулирования конфликта.

Когда говорится о нераспространимости взаимных договоренностей РА и АР в гуманитарном измерении на НКР, или, тем более, о нераспространимости решений других субъектов международного права в указанной сфере на действия НКР, то имеется в виду именно исключительный характер самой политико-правовой связи конкретного человека с тем или иным государством. Если лицо является беженцем, то данная политико-правовая связь существует между ним и государством его «изгнания» и его «принятия»; если лицо является вынужденным переселенцем, то данная политико-правовая связь существует между ним и государством, по территории которого оно было вынужденно переместиться; если лицо является гражданином, то данная политико-правовая связь существует исключительно между ним и государством его гражданства. Как нетрудно убедиться во всех трех случаях, особенно если все три статуса лиц (беженец, вынужденный переселенец,

гражданин) «разворачиваются» по поводу или в отношении наличного конфликта, статусы имеют своей главной целью распространить на лицо защитительный потенциал того субъекта международного права, с кем указанное лицо состоит в политико-правовой связи. Другими словами, вопрос безопасности всегда имеет свое зримое присутствие в гуманитарном измерении (в особенности в аспекте защиты фундаментальных прав и свобод человека), а во время конфликта и постконфликтной ситуации особенно четко выступит на первый план.

С учетом важности проблемы беженцев и ВПЛ в контексте влияния на урегулирование карабахского конфликта, необходимо также вначале определиться с некоторыми положениями и определениями, которые будут более обстоятельно рассмотрены в основных частях работы, исходя из следующих утверждений:

1. Проблема беженцев в отношениях между РА и АР – это вопрос беженцев из Азербайджанской ССР в Армянскую ССР, и наоборот. Однако здесь важно учесть асимметричность (по основным международно-правовым критериям) статусов беженцев-армян из Азербайджанской ССР (речь идет приблизительно о полумиллионе человек), депортированных из этой республики в 1988-1990 гг., и беженцев-азербайджанцев из Армянской ССР, покинувших ее в 1989-1990 гг. По таким международно-правовым критериям, как

насильственность изгнания, полная или почти полная потеря собственности, реальная угроза жизни этих людей и массовые убийства армян в Сумгаите, Баку и других регионах Азербайджана, и т.д., можно констатировать исключительно полный характер статуса беженцев-армян из Азербайджанской ССР и на ущербный характер статуса беженцев для азербайджанцев из Армянской ССР (т.к. исход азербайджанцев из Армении был вызван во многом причинами морального характера, не было насилия к беженцам, полная или почти полная непотеря собственности, правительство Армянской ССР впоследствии компенсировало значительную часть материальных потерь беженцев-азербайджанцев). Кроме этого, значительная часть проживавших в Арм.ССР азербайджанцев (свыше 80 тыс. человек) в 1988-1989 гг. на значительно более выгодных для себя условиях обменяла свои дома или квартиры с беженцами-армянами из Аз.ССР (большая часть которых уже была вынуждена покинуть Аз.ССР, но которые пока еще сохраняли юридические права на принадлежащую им там недвижимость). Следует также напомнить, что зачастую к беженцам-азербайджанцам необоснованно причисляются также лица, которые, оставшись без жилья и крова, были вынуждены покинуть северные районы Арм.ССР вследствие разрушительного Спитакс-

кого землетрясения 7 декабря 1988 г. Данная весьма многочисленная категория лиц азербайджанской национальности вообще не может претендовать на статус беженцев из Армении по той просто причине, что они, как и сотни тысяч других жителей пострадавших от землетрясения северных районов Арм.ССР, были вынуждены исключительно по социально-экономическим причинам в период после 7 декабря 1988 г. выехать в различные регионы бывшего Советского Союза в поисках жилья и работы, при этом получив значительные материальные компенсации от правительства Арм.ССР как жертвы стихийного бедствия;

2. Вопрос вынужденных переселенцев-азербайджанцев из контролируемых территорий НКР и вопрос вынужденных переселенцев-карабахских армян из контролируемых АР территорий – это исключительно вопрос между НКР и АР, но не РА или кого бы то ни было. Статус карабахских армян из контролируемых ныне АР территорий НКР (Мартуни, Мартакерт и Шаумян) – это статус вынужденных переселенцев, так как данные территории охватывались действиями Декларации о независимости НКР от 2 сентября 1991 г. и, самое главное, Референдумом о независимости НКР от 10 декабря 1991 г.

7 Правовой статус личности

Права и свободы человека и гражданина

Их государственная обеспечиваемость

Права и свободы человека на современном этапе исторического развития являются той категорией, вокруг которой может быть построена объективная аргументация и, соответственно, которая может служить как отправной точкой для нахождения взаимоприемлемых подходов, так и эффективным результатом разрешения международных конфликтов. Права и свободы человека выступают для стран, придерживающихся в своих целях демократических ценностей, тем эталоном, сближающим их позиции, который при всех объективных различиях, существующих между ними (этнос, религия, культура и др.) имеет четкую правовую, законоустанавливающую основу цивилизованного диалога. Страны, относящие себя к европейскому ареалу цивилизационных ценностей, стремящиеся приобщиться к европейским принципам самоценности человека при сохранении своих социально-культурных, религиозно-традиционных и др. особенностей, имеют целью построение демократического государства, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью, определяющей смысл, содержание и применение законов, деятельность всех ветвей власти. Все страны, так или иначе имеющие отношение к рассматриваемому здесь карабахскому конфликту и его последствиям, четко обозначили свои позиции по дальней-

шему следованию в направлении построения общества и государства демократических ценностей в их европейском понимании.

Все конфликты на постсоветском пространстве, несмотря на то, что и при своем возникновении, и при своем развитии, и во многом при нынешнем статус-кво их неразрешенности имели и имеют ярко выраженную этнополитическую окраску, однако исключительным путем их цивилизованного разрешения, при котором все стороны конфликта сумеют с минимальной долей «потери лица» выйти из него, может быть только общий подход, сближающий все государства в их стремлении к демократическому развитию. Здесь «дорожной картой» разрешения данных конфликтов может служить только следование правам и свободам человека, их всесторонняя признаваемость, обеспечиваемость, защита и гарантированность.

Теоретическими основами юридического, конституционно-правового подхода в указанном направлении являются общие научные принципы в сфере исследований правового статуса личности, роли государства в защите его прав и свобод, их гарантий, международно-правовой обеспечиваемости и защищаемости прав человека.

Законодательно установленные государством и взятые в единстве права и свободы личности составляют основу ее правового статуса. Последний является «сердцевиной нормативного выражения основных принципов взаимоотношений между личностью и

государством»². Важным свойством, особенно подчеркивающим непреходящий, постоянный и объективный характер правового статуса личности, является его относительная стабильность и неизменность по сравнению с фактическим общественным положением людей, их социальным статусом. Поэтому следующий тезис позволяет нам отнести его к реалиям данного исследования:

«Это качество (стабильность и относительная неизменность - прим. авторов) правового статуса в сопоставлении с несравненно более динамичной и изменчивой общественной жизнью позволяет ему играть немаловажную роль, особенно в тех случаях, когда в обществе происходят отрицательные процессы»³.

Также важно уяснить связь между правами и свободами человека, его обязанностями и институтом гражданства. Если права человека являются исходными, присущими всем людям независимо от того, являются они гражданами государства, в котором они живут, или нет, то права гражданина включают в себя те права, которые закрепляются за лицом только в силу его принадлежности к государству его гражданства. Отсюда, «каждый гражданин того или иного государства обладает всем комплексом прав, относящихся как к общепризнанным правам человека, так и ко всем правам гражданина, признаваемым в данном государстве, а негражданин -

² *Бережнов А.Г.* Теория государства и права. М., 2002. С.312.

³ *Бережнов А.Г.* Указ. соч. С.317.

лишь первой частью этого комплекса, и, таким образом, эта «дискриминация» допускается международным сообществом и объясняется правомерным желанием каждого государства предоставить весь комплекс прав только лицам, устойчиво связанным с судьбой страны и в полной мере несущим конституционные обязанности»⁴.

Устойчивая политико-правовая связь человека с конкретным государством находит свое выражение в институте гражданства. Она означает юридическую принадлежность лица к конкретному государству, что выражается в наличии круга взаимных прав и обязанностей граждан и государства, а также в защите гражданина государством внутри страны и за ее пределами. Быть гражданином значит юридически и морально-политически быть готовым исполнять свои гражданские обязанности, пользоваться правами и свободами, иметь законное право добиваться их гарантированности и защищаемости.

Все конституции современных демократических государств не только признают всеобщие права человека и гражданина, но и прямо указывают на необходимость их гарантированного осуществления и подчеркивают роль государства в защите этих прав. В связи с этим необходимо отметить, что понятие «правовой статус личности» шире понятия «конституционный статус личности».

⁴ *Баглай М.В.* Конституционное право зарубежных стран // Под общей ред. Баглая М.В., Лейбо Ю.И., Энтина Л.М. М., 2000. С.86.

Признанным подходом в юридической науке является принцип, который указывает, что конституционные права, свободы и обязанности человека и гражданина составляют ядро, фундамент общего правового статуса личности.

Что касается понятия «гарантированность прав и свобод человека», то здесь необходимо указать на следующие основные теоретические положения.

1. Терминологически гарантии делятся на гарантии юридического, морально-политического и материального (социально-экономического) характера;
2. Каждый вид гарантий имеет свое особое значение, а все они вместе образуют систему гарантий прав человека, что по определению указывает на необходимость всестороннего подхода к обеспечиваемости данного правового феномена.

Юридические гарантии имеют существенную и во многом определяющую привязку к институциональному оформлению их претворения в жизнь. Это судебные гарантии, гарантии в лице омбудсмана, надгосударственных институтов правоприменительного характера (напр. Европейский Суд по правам человека). Морально-политический аспект гарантий прав человека имеет жесткую привязку как к воздействию общественного мнения внутри государства, так и к международному общению государств, в котором нашли яркое выражение межгосударственные критерии оценки

внутренних действий конкретных стран с позиций их соответствия международным стандартам, общепризнанным принципам и нормам в сфере прав человека. Материальные (социально-экономические) гарантии поставлены в зависимость от внутригосударственных ресурсов, но должны осуществляться «в максимальных пределах имеющихся ресурсов» (по **Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.**).

Непосредственную, основную и зачастую исключительную роль в гарантированности и особенно защите прав человека и гражданина играет государство, а значит и его ответственность в данной сфере носит непосредственный, основной и во многом исключительный характер. На это прямо указывается во многих документах международно-правового характера:

1. «1. Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте...»;
2. Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется:
  - а) обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качест-

ве». (Ст.2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.);

2. «1. Государства несут главную ответственность за создание национальных и международных условий, благоприятных для осуществления права на развитие». (Ст.3 Декларации о праве на развитие 1986 г.);
3. «1. Каждое государство несет основную ответственность и обязанность защищать, поощрять и осуществлять все права человека и основные свободы, в частности путем принятия таких мер, какие могут потребоваться для создания всех необходимых условий в социальной, экономической, политической, а также в других областях и правовых гарантий, необходимых для обеспечения того, чтобы все лица под его юрисдикцией, индивидуально и совместно с другими, могли пользоваться всеми этими правами и свободами на практике». (Ст.2 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы 1998 г.);
4. «Они (государства-участники Организации - прим. авторов) выражают свою решимость гарантировать осуществление прав человека и основных свобод... Они признают, что все гражданские, политические, экономические, социальные,

культурные и другие права и свободы имеют первостепенное значение и должны полностью осуществляться всеми надлежащими способами» (Пункт 12 Раздела «Принципы» Итогового документа Венской встречи представителей государств-участников СБСЕ 1986 г.).

Международно-правовое осмысление правового статуса личности, его прав и свобод указывает на факт значительной определяемости основ правового положения человека, а в некоторых аспектах и гражданина (напр., по вопросам избирательного права) соответственно принципам и нормам международного права. В общем виде основные подходы международного права в данной сфере, соотносимость и «разделение труда» между нормами международного и внутригосударственного характера можно представить в виде следующих тезисов⁵.

- Внутреннее конституционное законодательство, учитывая условия своей страны, должно включать тот объем основных прав и свобод человека и гражданина, который соответствует международным стандартам и принятым на себя государством обязательствам перед международным сообществом;
- Внутреннее законодательство в сфере прав человека не мо-

⁵ Чиркин В.Е. Сравнительное конституционное право. М., 2002. С.135-136.

жет противоречить основным принципам и нормам, зафиксированным в международных актах;

- Права и свободы должны быть обеспечены гарантиями юридического характера, а также материальными гарантиями, в той мере, как это позволяют условия страны;
- Нет абсолютной свободы и абсолютных прав; они могут быть ограничены, но только на основе закона и в той части, в какой это допускает конституция и в соответствии с требованиями международного права и в точно определенных целях.

Последний пункт требует определенного разъяснения. Государство не только является главным ответственным субъектом в вопросе защиты и гарантированности прав и свобод человека и гражданина, но и является таковым также в вопросе возможного их ограничения в конкретных ситуациях и в исключительном соответствии с внутренним законодательством, не противоречащим международным обязательствам данного государства. Так, например, статья 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. предусматривает две ситуации, когда государство-участник приобретает право на отступление от обязательств по Конвенции (так называемая *дерогация*). Этими двумя ситуациями являются война и чрезвычайное положение, угрожающее жизни нации. В контексте рассматриваемого вопроса (главная

ответственность государства в сфере прав человека) интересна выдержка из решения Европейского суда по правам человека по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г.: «Суд напоминает, что государствам-участникам, на которые возложена ответственность за «жизнь нации», надлежит определить, угрожает ли обществу опасность и если это так, то какие меры должны быть приняты для ее устранения. Непосредственно и постоянно сталкиваясь с опасными реалиями, национальные власти находятся в принципе в лучшем положении, чем международный судья, для того, чтобы определить наличие такой опасности, характер и степень отступлений от обязательств, необходимых для ее преодоления. Поэтому в этом вопросе широкая свобода усмотрения должна быть предоставлена национальным властям»⁶.

Итак, учитывая вышеуказанное, можно прийти к следующим выводам:

1. Основой и главным «наполнителем» содержания категории «правовой статус личности» являются права и свободы человека. Через статус, как понятие указывающее на определенное состояние человека в обществе и государстве, на характер и объем его связи с последним, которая, в свою очередь, имеет в своем основании права и свободы человека,

⁶ Решение от 18 января 1978 г. по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» // Серия А.Т. 25. С.78-79. П.207.

мы выходим на понимание исключительности и самоценности личности. Статус необходим личности постольку, поскольку это необходимо в первую очередь демократическому государству, которое становится таковым только в случае признания и соблюдения, защиты и гарантирования прав человека, связанного с ним в той или иной политико-правовой степени. Таким образом, право лица на статус, на личную правосубъектность - это обязанность государства предоставить и обеспечивать его всеми ресурсами на территории, на которой данное лицо проживает и за которую государство несет ответственность;

2. Наиболее тесной политико-правовой связью обладают два равноценных субъекта в сфере прав человека - гражданин и государство его гражданства. Их равноценность (в юридическом понимании этого слова) основывается на том, что гражданин, как индивидуальный источник и носитель суверенитета государства, обладает правом на весь спектр признаваемых в данном обществе личных, политических и социально-экономических возможностей, в то время как государство, являясь коллективным выразителем указанного суверенитета, обязано всячески закреплять и обеспечивать, защищать и гарантировать осуществление данных разносторонних и связанных между собой возможностей индивида.

Налицо также обратная ситуация, когда у человека как гражданина данного государства, есть существенные обязанности перед ним, а у государства его гражданства определенные права в сфере законных требований по реальному осуществлению этих обязанностей со стороны личности.

3. Для полноценного осуществления всех возможностей, вытекающих из правового статуса личности, особенно если он выражается в обладании статусом гражданина, необходимо всестороннее, активное и постоянное участие государства в их эффективной реализации. Это участие имеет как материальную наполняемость (юридические, социально-экономические гарантии), так и идеологическую оболочку в виде декларируемой и практически осуществляемой приверженности демократическим ценностям.
4. Категории «права и свободы человека», «правовой статус личности», «государственные гарантии и защита прав человека» в их конституционно-внутригосударственном и международно-правовом осмыслении и реализации имеют взаимозависимый и взаимоопределяющий характер. Каждая из них в отдельности не имеет оснований на автономное, самодостаточное существование, но все они вместе могут найти достойное применение как во внутригосударственной практике и международном сотрудничестве, так и в качестве

отправной точки, процесса, цели и результата при межгосударственных конфликтах.

*Категории «беженец» и «вынужденный переселенец»
в правовом осмыслении последствий
карабахского конфликта*

Вновь создаваемое, а тем более, уже существующее признанное государство, провозгласившее своей целью и главной задачей обеспечение прав человека и гражданина, их защиту и гарантированность, обязано неукоснительно следовать этому принципу. Оно также обязано нести ответственность за своих граждан не только в данный конкретный момент, но и, как минимум, чувствовать ответственность перед теми людьми, которые на определенном этапе его исторического развития были гражданами данного государственного образования и в дальнейшем, в силу первоочередной вины руководства этого государственного образования оказались лицами, лишенными устойчивости своей политико-правовой связи с какими-либо другими государственными образованиями (например, единого Союза ССР).

Данная ответственность выражается не только в форме морально-политического выбора (покаяться в содеянном или нет), но и содержит в себе четкий юридический компонент, с вытекающими из него социально-экономическими последствиями (материальное возмещение, компенсация и др.).

Юридический компонент основывается на факте насильственного изгнания людей из пределов вновь создаваемого госу-

дарства, которое тем самым получило новое конституционное оформление уже без своих бывших, изгнанных им граждан. Речь идет о массовых гонениях граждан Азербайджанской ССР армянской национальности в 1988-1990 гг. Люди изгонялись и лишались своего республиканского гражданства (Статья 33 Конституции СССР 1977 г.: «В СССР установлено единое союзное гражданство. Каждый гражданин союзной республики является гражданином СССР») исключительно в силу «нежелательной» этнической принадлежности для вновь создаваемого «государства-гонителя». Однако, прерванная в одностороннем и широкомасштабном порядке политико-правовая связь между личностью и государством в виде гражданства имела место только между данными лицами и конкретной бывшей советской республикой в лице Азербайджанской ССР. Единое союзное государство было сохранено, поэтому можно сказать, что ответственность за данную категорию лиц сразу перешла к центральным властям Союза ССР, так как последний массовый исход армянского населения из бывшей Аз.ССР (в рамках которой в дальнейшем сформировалась Азербайджанская Республика, то есть только части, которая нами в целом признается) имел место в начале 1990 г., когда Союз ССР де-юре и де-факто существовал и центральные власти еще более или менее эффективно, с большей или меньшей предвзятостью контролировали ситуацию на всем пространстве СССР. В таком случае, если люди не лишились

полностью своего постоянного статуса в виде гражданства, а только были лишены своих прав как граждане отдельной советской республики, то о них нельзя говорить как о беженцах в строго юридическом понимании этого понятия.

Беженец по международно-правовой терминологии - это лицо, которое в силу преследований по признаку расы, вероисповедования, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности (подчеркнуто авторами) и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений (статья 1 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.).

Таким образом, формальный признак в виде нахождения лица на территории еще не распавшегося единого государства не позволяет нам говорить о статусе беженцев по отношению к армянам, изгнанным из Аз.ССР. Однако, фактическая ситуация в виде невозможности пользоваться защитой республики в составе единого Союза и нежелание пользоваться такой защитой, была на момент изгнания армян из Аз.ССР явственно и однозначно выражена. Такого статуса, как «внутренне перемещенные лица» (ВПЛ), «вынужденный переселенец» пространство бывшего Союза еще не знало, да и не могло знать, потому что даже международные нормы по поводу данного статуса стали формироваться позже.

Тем не менее, совмещение ситуации де-факто – насильственное изгнание с территории бывшей республики Союза ССР, которая по конституции СССР 1977 г. (как и все остальные 14 республик) была «государством в государстве», хотя и в формально-декларативном порядке (статья 76 Конституции СССР 1977 г. - «Союзная республика - суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз ССР»), и, как следствие, вынужденное перемещение с постоянного места жительства, и ситуация де-юре - не пересечение международно признанных границ, дают нам основание говорить о том, что на тот момент, когда еще существовал единый Союз, данные люди фактически были лицами со статусом ВПЛ.

В 1998 г. получили формальную определенность **Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны**. После представления Принципов Комиссии ООН по правам человека в указанный год последняя единогласно одобрила резолюцию о принятии их к сведению. ЭКОСОС и Генеральная ассамблея ООН также официально подтвердили Принципы, равно как и ряд международных организаций, к примеру, ОБСЕ. Интересен вывод, сделанный в ходе подготовки принципов и оформленный в докладе группы экспертов в 1996 г.: «...хотя действующее международное право в значительной степени распространяется на перемещенных внутри страны лиц, применительно к некоторым

важным отраслям оно не содержит достаточных основ для обеспечения им защиты и помощи»⁷.

В **Руководящих принципах** дается следующее понятие ВПЛ: «...перемещенными внутри страны лицами считаются лица или группы лиц, которых заставили или вынудили бросить или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание вооруженного конфликта, повсеместных проявлений насилия, нарушений прав человека, стихийных или вызванных деятельностью человека бедствий, и которые не пересекали международно признанных государственных границ» (пункт 2 Введения к **Руководящим принципам**).

Еще одной нормой концептуального характера в Принципах является положение пункта 1 принципа 1: «Перемещенные внутри страны лица, пользуются, на основе полного равенства, теми же предусмотренными международным правом и национальным законодательством правами и свободами, которыми пользуются остальные лица в их стране». Они не должны подвергаться дискриминации при осуществлении любых прав и свобод на том основании, что они являются перемещенными внутри страны лицами».

Республиками, вовлеченными в определение судьбы данной категории лиц до развала единого СССР, были Аз.ССР, Арм.ССР и

⁷ *Келин В.* Руководящие принципы по вопросу о перемещении внутри страны. М., 2004. С.63-64.

РСФСР, Аз.ССР, как республика-инициатор массового насильственного исхода своих граждан-армян, с очевидностью показала свою позицию по отношению к этим людям. Ни тогда, ни потом, ни теперь, ни бывшая Аз.ССР и, тем более, ни нынешняя АР не сделали шагов не только по направлению к признанию своей политико-правовой ответственности по отношению к бывшим гражданам, но и не взяли на себя абсолютно никакой моральной ответственности за содеянное. Ни при возникновении насильственного перемещения, ни при самом перемещении, ни впоследствии («Компетентные органы власти несут главную обязанность и ответственность за создание условий, а также за предоставление средств, которые позволяют перемещенным внутри страны лицам добровольно, в безопасных условиях и с достоинством вернуться в свои дома или места постоянного проживания, либо добровольно переселиться в какую-либо часть страны») (принцип 28); «Компетентные органы власти несут обязанность и ответственность за оказание помощи вернувшимся и переселившимся перемещенным внутри страны лицам по возвращению, по мере возможности, их имущества и собственности, которые они оставили или которые у них были изъяты после их перемещения. Если возвращение такого имущества и собственности невозможно, то компетентные органы власти обеспечивают или облегчают этим лицам получение надлежащей компенсации или справедливого возмещения в другой форме»

(принцип 29) **Руководящих принципов по вопросу о перемещении лиц внутри страны**), ни власти Аз.ССР, ни власти АР не сделали ничего того, что хоть как-то обнаружило бы их устремленность к защите прав и свобод человека, своих бывших граждан армянской национальности. Возражения юридического характера по принципу несуществования на тот момент указанных **Руководящих принципов**, отсутствия правового осмысления статуса ВПЛ, рекомендательного характера указанных принципов, а значит их юридической необязательности могут быть приняты к сведению исключительно по отношению к бывшей Аз.ССР. Но только строго юридическая часть вопроса, а не политическая аргументация в виде «главной ответственности центрального руководства СССР» за массовый насильственный исход граждан-армян из бывшей Аз.ССР. Политическая и моральная ответственность Аз.ССР перешла к АР, так как данные категории лежат вне плоскости строгого понимания правопреемственности, как юридического института в международном праве. Права и свободы человека, их защита, устранение причин их нарушения и т.д. не могут быть объектом правопреемства или неправопреемства. Точнее, вопрос о правопреемственности не может ставиться по отношению к этим абсолютным для всего демократического сообщества государств категориям. Еще в 1970 г. Международный Суд ООН в своем решении по делу о компании «Барселона Трэкшн» признал обяза-

тельства, которые несут государства по отношению к международному сообществу в целом (обязательства *ergo omnes*), такие, как «запрещение актов агрессии и геноцида» и осуществление «принципов и норм, касающихся основных прав человеческой личности, включая защиту от рабства и расовой дискриминации». Иными словами: если государство нарушает эти обязательства, любое государство может в законном порядке возбудить дело в защиту этих основополагающих прав человека и может протестовать против их нарушения. Действующее международное право знает две конвенции, регулирующие отношения по строго определенным объектам: **Венская конвенция о праве преемстве государств в отношении договоров 1978 г.** и **Венская конвенция о праве преемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 г.** «Эти конвенции определяют, что могут применяться только к последствиям правопреемства, а это означает, что соответствующие территориальные изменения сами по себе не рассматриваются как правопреемство, а являются лишь его основаниями. Вместе с тем, из положений о применимости конвенций можно сделать вывод, согласно которому буквальный смысл термина «правопреемство» означает непосредственный и правомерный переход международных прав и обязательств от одного государства-субъекта к другому государству-субъекту международного права. Положительной чер-

той названных конвенций является указание в их текстах на то, что правопреемство осуществляется в соответствии с международным правом, в том числе с теми международно-правовыми принципами, которые воплощены в уставе ООН»⁸.

Таким образом, нынешняя Азербайджанская Республика должна взять на себя всю ответственность за возмещение материальных и моральных потерь всем людям, пострадавшим как в результате этнических чисток 1988-1990-х гг. в Аз.ССР, так и в ходе последующей военной фазы конфликта, в результате которой появилась новая волна беженцев и ВПЛ из НКР и прилегающих районов. Именно Азербайджан, как инициатор этих деяний, должен нести ответственность перед теми людьми, которые пострадали в ходе этих событий, в том числе и теми своими гражданами азербайджанской национальности, которые в результате военных действий покинули территории, на которых сейчас действует законодательство НКР.

Современная демократическая Германия также не является правопреемницей бывшей нацистской Германии, но это не помешало ей взять на себя не только политическую и моральную ответственность за злодеяния «Третьего Рейха», но и принять на себя обязательство по возмещению ущерба всем тем, чьи права и свободы

⁸ *Тиунов О.И.* Международное право // Отв. ред. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. М., 2004. С.63-64.

были «попраны» фашистским режимом. Если современная Германия, которая стоит по всем критериям несоизмеримо дальше от своей предшественницы, пошла на такой шаг, то почему нынешняя АР, где в Конституции закреплено, что «обеспечение прав и свобод человека и гражданина - высшая цель государства» (статья 12 «Высшая цель государства»), не может взять на себя ответственность хотя бы даже не за уже случившееся на территории государственного образования, правопреемницей которого она не является (Аз.ССР), а за последствия этих событий (принципы 28 и 29 Руководящих принципов по ВПЛ)?

В этом вопросе Азербайджан не является исключением. Аналогичную позицию занимает и нынешняя Турецкая Республика, не желающая признавать и нести свою правовую, моральную и материальную ответственность за факт осуществления Османской Турцией геноцида армян в Западной Армении и других частях этого государства в 1915 – 1920 гг. Страна, претендующая на членство в ЕС и считающая себя вправе заявлять о своем соответствии всем европейским ценностям, стандартам и нормам, в том числе по защите прав и свобод человека, не желает брать на себя ответственность за эти страшные преступления перед человечеством и массовое попрание фундаментальных прав и свобод в ходе первого геноцида XX в., жертвами которых стали почти 2 млн. человек, а потомки выживших и рассеянных по всему миру западных армян до сих не

получили никаких компенсаций за свое потерянное имущество со стороны правительства Турции. А ведь есть прямая, можно сказать зеркальная аналогия между ходом и последствиями геноцида и депортации армян в Османской Турции в 1915 -1920 гг. и геноцидом и этническими чистками армян в Аз.ССР в 1988-1990-х гг.

Еще раз подчеркнем, что догматические ссылки на факт нераспространимости положений **Руководящих принципов** на данный вопрос как в силу их рекомендательного характера, так и в силу юридической неотвеченности АР за действия бывшей Аз.ССР, несостоятельны. Не может государство, у которого есть конституционно закрепленная, непосредственно действующая норма высшей юридической силы на уровне «высшей цели государства», ссылаться на свою непричастность к событиям прошлого на своей нынешней территории и тем более к их современным последствиям. Данными последствиями выступает продолжающаяся неопределенность статуса лиц, изгнанных из Аз.ССР и вынужденных переселиться на территории других республик Союза ССР, продолжающаяся в связи с этим ущемленность и ограниченность всего комплекса их прав и свобод.

Речь идет примерно о 500 тысячах лиц армянской национальности, покинувших Аз.ССР в указанный период. При этом в настоящее время в разных странах проживает также около 2 млн. армян, которые в различное время покинули эту бывшую советскую

республику или являются потомками выходцев из Аз.ССР, которые считают эту страну своей исторической родиной. Первоначальным местом обоснования данной категории лиц в основном была бывшая Арм.ССР, где основная масса людей, изгнанных из Аз.ССР по признаку своей этнической принадлежности, получила убежище и определенную материальную помощь. Однако в дальнейшем, в силу своего тяжелого социально-экономического положения в Армении, находящейся не только в фазе существенного экономического спада, но и в широкомасштабной блокаде со стороны Азербайджана и Турции, основная часть указанных лиц нашла на этот раз «экономическое убежище» уже на территории бывшей РСФСР и современной РФ. Кроме этого, определенная часть бывших граждан Аз.ССР, в основном жителей г. Баку и близлежащих районов, нашла также временное убежище и на территории бывшей Туркменской ССР. Эти люди в ходе избиения армян в январе 1990 г. в г.Баку на паромках были доставлены в близлежащий туркменский порт Красноводск, однако вскоре многие из них также выехали в другие районы бывшего Союза ССР (а впоследствии и СНГ), в основном, в РФ.

Исход из Аз.ССР и перемещение в Арм.ССР носило характер приобретения «политического убежища», так как в тот момент основной и наверное единственной заботой данных лиц было элементарное желание спасти свою жизнь и жизнь своих близких, на

тот момент экономические вопросы социального и имущественного характера не имели существенного значения. Люди осознавали простой факт - они перемещаются в рамках государства своего гражданства, их исход вызван невозможностью состоять в какой-либо политико-правовой связи с Аз.ССР - республикой-инициатором насильственного перемещения. Экономическая неустроенность привела ко второму этапу их массового перемещения в ближайшие регионы экономически сравнительно стабильной РФ - Северный Кавказ, Краснодарский и Ставропольский края. Часть выехала в Москву и Подмосковье.

Таким образом, учитывая периметр перемещения основной массы людей, до сих пор находящихся в неопределенном правовом положении, можно сказать, что странами, вовлеченными в определение дальнейшей судьбы этих людей, оказались РФ, АР и РА.

Существенная часть изгнанного населения непосредственно переместилась на территорию бывшей РСФСР, часть из них получили там временный статус и затем стали гражданами РФ. Однако, еще более значительная часть из данной группы непосредственно переселившихся в Россию людей остается на ее территории в неопределенном правовом статусе.

В вопросе неопределенности правового статуса лиц из данной категории показательно мнение российского эксперта по правовым положениям миграции (Ганнушкина С.А., руководитель

сети «Миграция и право» Правового центра «Мемориал»): «...беженцы из Азербайджана 1989-1990 гг. - жертвы этнических погромов, которые прибыли в столицу своего государства, Москву, или в другие части России. Они не пересекали границ своей гражданской принадлежности. Власти не желают признавать их принадлежащими к категории ВПЛ. Их причисляют то к одной группе, то к другой. И сейчас им очень тяжело. В Московском регионе многие из них не принимали гражданство, причин этому было несколько. Во-первых, в Москве было трудно получить регистрацию по месту жительства, и не сразу появилось распоряжение МВД, в котором разрешалось при наличии статуса беженца подавать документы на гражданство, не имея регистрации. То есть какое-то время они не могли подать документы на гражданство. Во-вторых, некоторые из них и не хотели принимать гражданство России. Кроме того, была группа людей, настаивающих на том, что они являются гражданами РФ по признанию (ст. 13.1 Закона РФ «О гражданстве РФ» 1991 г.), поскольку они не пересекали границ своего государства, прибыв в Россию еще в советское время. Когда в 1997 г. Появилась новая редакция Закона «О беженцах» ФМС (Федеральная Миграционная Служба - прим. авторов) начались разговоры о том, что положение беженцев из Азербайджана не определено, поскольку в новой редакции очень хорошо прописана процедура предоставления статуса, а они ее не

проходили, и даже не подавали ходатайства на предоставление статуса. Руководство ФМС решило, что неплохо было бы что-то такое сделать, чтобы сбросить лишнюю нагрузку с ФМС. Даже шли разговоры о том, что хорошо было бы их отправить обратно в Азербайджан. Мы стали действовать энергично, получили от УВКБ (Управление Верховного Комиссара по делам беженцев - прим. авторов) ООН информацию об Азербайджане как о стране исхода. УВКБ однозначно поддержало нас в нашей позиции, что возвращать обратно в Азербайджан беженцев нельзя⁹. Неопределенность позиции российских властей по многим вопросам, касающихся людей, насильственно изгнанных из республики бывшего Союза и до сих пор не имеющих постоянного статуса в стране их пребывания, налицо.

На неопределенность правовых позиций РФ в вопросе ВПЛ указывают и другие эксперты в данной сфере. Ими подчеркивается, что «в российском правовом порядке отсутствует само понятие «лица, перемещенные внутри страны» в том значении, какое придается ему пунктом 2 Введения к **Руководящим принципам**. Термин «вынужденный переселенец», которым оперирует российское законодательство и определение которого содержится в ст. 1 Закона РФ «О

⁹ Ганнушкина С.А. Правовые и социальные проблемы лиц, перемещенных внутри страны (ВПЛ) // Материалы 13-го семинара, проведенного Правозащитным центром «Мемориал», 27-29 апреля 2002 г.

вынужденных переселенцах» (принят 19.02.1993 г., в настоящее время действует в редакции от 20.11.1995 г.), имеет с понятием ВПЛ, из которого исходят **Руководящие принципы**, только словесное сходство. Если говорить о содержательных критериях, то, согласно определению, вынужденный переселенец - это «гражданин РФ, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах...» Очевидно, что определение вынужденного переселенца сконструировано по модели определения беженца в **Конвенции о статусе беженцев 1951 г.**, и так же, как в праве беженцев, признание лица вынужденным переселенцем предполагает прохождение специальной процедуры, аналогичной той, которую необходимо пройти лицу, ищущему убежище. Таким образом, «вынужденный переселенец» - это особый правовой статус лица, который, как сказано в Законе, «является основанием для предоставления ему гарантий, установленных настоящим Законом, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации» (п.2, ст.5). Иначе говоря, при отсутствии специального статуса вынужденного переселенца лицо, перемещенное внутри страны, не может воспользоваться правами и гарантиями, обеспечивающими ему защиту и содействие со стороны государства. Между тем, в отличие от беженцев, которым особый

статус необходим в силу того, что они утратили защиту собственной страны и вынуждены искать ее на территории чужого государства, ВПЛ не нуждаются в таком статусе, поскольку они остаются его гражданами и потому обладают теми же правами, что и остальные граждане. Они нуждаются лишь в предоставлении дополнительных гарантий, облегчающих реализацию этих прав и обустройство в ситуации вынужденного перемещения»¹⁰.

Таким образом, та существенная часть армянского населения бывшей Аз.ССР, непосредственно переместившаяся на территорию России и обладающая хоть каким-то официальным статусом, или уже получила постоянный статус в виде гражданства РФ, или же находится в статусе беженцев, но не вынужденных переселенцев по российскому законодательству, так как в соответствие с ним обладателем этого временного статуса может быть только гражданин РФ.

Более многочисленную группу составляют лица, которые сразу после изгнания поселились на территории Арм.ССР, находились здесь продолжительное время и уже из РА переместились в РФ. Получается, что эта категория лиц пересекла уже международно признанные границы и тем самым не может расс-

¹⁰ *Петросян М.* Руководящие принципы по вопросу о перемещении внутри страны и внутренний распорядок Российской Федерации: Сравнительный анализ // *Келин В.* Руководящие принципы по вопросу о перемещении внутри страны: Приложение. М., 2004. С.90-92.

матриваться как группа ВПЛ. Основная масса уже в этой категории лиц является фактически лицами без гражданства (апатридами), так как их последним постоянным статусом был статус гражданина бывшей Аз.ССР и через него статус гражданина бывшего Союза ССР, в дальнейшем они не получили ни гражданства РА, ни гражданства РФ, а временным статусом в виде статуса беженца, который предоставляется на строго определенное время, они уже не обладают (по статье 7 Закона РФ «О беженцах» срок предоставления статуса беженца - до 3-х лет). **Конвенция о статусе апатридов 1954 г.** под термином «апатрид» подразумевает лицо, которое не рассматривается гражданином каким-либо государством в силу его закона. В соответствии со статьей 12 данной Конвенции, личный статус апатрида определяется законами страны его домициля (имеется в виду юридически оформленное место пребывания) или, если у него такового не имеется, законами страны его проживания, а статья 32 Конвенции указывает, что «Договаривающиеся государства будут по возможности облегчать ассимиляцию и натурализацию апатридов. В частности, они будут делать все от них зависящее для ускорения делопроизводства по натурализации и возможного уменьшения связанных с ним сборов и расходов».

Вступила в силу (в 1975 г.) для участвующих в ней государств **Конвенция о сокращении безгражданства 1961 г.**, главным принципом которой является желательность предоставления

участвующими в ней государствами своего гражданства тем лицам, которые иначе не могут на него рассчитывать.

Возникает следующий вопрос: какая из трех государственных сторон может и желает взять на себя ответственность за признание, соблюдение и обеспечение, защиту и гарантию правового статуса постоянного характера лиц, в наибольшей степени пострадавших от конфликта? Другими словами, какое из трех государств имеет возможность и законное право, а также добавляемое к ним твердое желание центральных властей предоставить свое гражданство тем лицам, чьи права и свободы ограничены и которые находятся в данный момент на неопределенном правовом положении? А также неотделимый от двух указанных следующий вопрос: с каким из трех государств данные лица желают связать свою дальнейшую судьбу и соответственно получить его гражданство?

Равноценность этих вопросов, их равноуровневость с необходимостью вытекают из положения, о котором говорилось в первой части работы, а именно: равноправности личности и государства в сфере защиты прав и свобод человека и обеспечении коллективных прав людей через защиту общественных и государственных интересов.

АР из данной триады (возможность, законное право и желание) не обладает ни одним из указанных элементов, а главное, у лиц, о которых идет речь, нет ни малейшего желания связывать свою

дальнейшую судьбу с непокаявшимся и продолжающим быть по отношению к ним однозначно агрессивным государственным образованием. Более того, на фоне продолжающейся и углубляющейся в нынешнем Азербайджане антиармянской истерии с элементами ксенофобии и расизма, говорить о какой-то реальной возможности совместного проживания армян и азербайджанцев в обозримом будущем не представляется возможным¹¹.

У РА есть законное право, так как последним временным статусом, после статуса гражданина Аз.ССР и единого Союза ССР, был статус беженца, предоставлявшийся Арменией данным лицам уже после образования АР и РА, то есть уже после того, как появились так называемые признанные международные границы. Со статусом беженца или без него люди уезжали из РА в РФ и уже на территории последней не получили ни временного, ни постоянного

¹¹ Множество фактов говорит о том, что армянофобия в нынешнем Азербайджане приняла формы откровенного человеконенавистничества. Достаточно вспомнить недавнюю историю с увольнением из штата Министерства национальной безопасности Азербайджана лиц, у которых были отдаленные армянские корни или родственные связи. Факт, который удивительно перекликается с аналогичными чистками в частях СС и служб безопасности фашистской Германии в 30-40 гг. прошлого века, в результате которых репрессировались все офицеры, у которых среди предков были евреи. На самом высшем уровне в Азербайджане проводится антиармянская политика и делаются заявления, которые никоим образом не соответствуют элементарных представлениям о толерантности, защите фундаментальных прав и свобод. См. также: Бабаян Д. Запад и нагорно-карабахский конфликт // Центральная Азия и Кавказ, № 6, 2004. С.21-22.

статуса. Исходя из этого, у РА есть правовые основания предоставить данной категории лиц свое гражданство в силу того, что, во-первых, РА является правопреемницей Арм.ССР и все связанные с этим вопросы права и обязанности бывшей Советской Армении перешли к нынешней Республике Армения, и, во-вторых, последним статусом, хотя и временного характера, у многих из этих людей был статус беженца, предоставленный и признаваемый властями РА и потому он, как минимум, может быть возобновлен и в дальнейшем трансформирован в статус гражданина РА. В данном контексте еще раз подчеркнем, что в основном люди уезжали по социально-экономическим соображениям (имеется в виду из РА в РФ), а в соответствии с пунктом 2 статьи 2 федерального Закона РФ «О беженцах» 1993 г. (в редакции Федерального закона от 28.06.1997 г. №95-ФЗ, от 21.07.1998 г. №117-ФЗ), данный Закон не распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, покинувших государство своей гражданской принадлежности (своего прежнего места жительства) по экономическим причинам. Также необходимо отметить, что одним из оснований для отказа лицу в рассмотрении ходатайства по существу, в силу ст.5 ФЗ «О беженцах» является то обстоятельство, что лицо прибыло из иностранного государства, на территории которого имело возможность быть признанным беженцем.

Однако, у РА нет достаточных ресурсов экономического

характера для достойного возвращения людей назад в случае предоставления им гражданства (кроме этого, она уже предоставила гражданство и обеспечила, насколько это было возможно в ее тяжелой социально-экономической ситуации, минимальные материальные условия десяткам тысяч бывших граждан Аз.ССР). А главное - у последних, например из числа лиц, находящихся на территории РФ, нет особого желания возвращаться на территорию государства, где их права и свободы социально-экономического характера могут так или иначе на практике не реализоваться (незнание государственного языка, что может быть проблемой в связи с получением образования и трудоустройства; малоземельность Армении и связанные с этим проблемы по трудоустройству этих людей, часть которых прежде занимались сельским хозяйством; и т.д.).

У РФ есть почти все - возможности, хотя также несколько ограниченные, и законное право, так как РФ является правопреемницей бывшего Союза ССР. Кроме этого, значительная часть людей, изгнанных из бывшей Аз.ССР, нашла в конечном итоге убежище на территории РФ и получила здесь статус гражданства или находится на правовом положении, способствующему этому. У указанных людей есть желание, особенно на фоне других постсоветских государств, связать свою судьбу со страной, предоставившей им убежище. Однако, в случае с РФ, не хватает политической воли как центральных властей, так и особенно политической воли

региональных элит отдельных субъектов Федерации. Отсутствие политической воли приводит к полному отсутствию у данной категории лиц политических прав и свобод, предоставляемых в силу гражданства, существенному ограничению их социально-экономических свобод, а также ущемлению их личных прав. Это особенно не допустимо, ибо данные лица не должны находиться в перманентном состоянии тревоги и опасения за себя лично и за своих близких, они не могут быть постоянно притесняемы, на протяжении уже более 15 лет, в своих самых важных неотъемлемых правах.

Все это указывает на необходимость качественно иного осмысления нынешнего положения данных лиц и на этой основе выдвижение концепции неукоснительного признания и соблюдения, защиты и гарантирования их прав и свобод. Только данная концепция поможет нам дать ответы на открытые вопросы:

1. Какое государственное образование должно взять на себя ответственность за обеспечение всего комплекса прав и свобод данных лиц?
2. Каким образом это поможет преодолеть главную несправедливость в виде ущемления прав и свобод указанных лиц и будет способствовать выходу на разрешение спорных вопросов в отношении Карабахского конфликта?

Нагорно-Карабахская Республика, учитывая, как минимум, собственную моральную ответственность перед данной категорией

лиц, должна пойти на признание за ними права на получение гражданства НКР в наиболее упрощенном порядке. При этом НКР может предоставить данной категории лиц возможность расселяться на территориях, контролируемых ею, исходя из того, что указанные лица, во-первых, в наибольшей степени пострадали от данного конфликта как в моральном, так и в материальном плане, во-вторых, до момента своего насильственного изгнания, имевшего характерные признаки геноцида и этнической чистки, они были гражданами Азербайджанской ССР и СССР. (по ст.33 Конституции СССР 1977 г.: «В СССР установлено единое союзное гражданство. Каждый гражданин союзной республики является гражданином СССР. Основания и порядок приобретения и утраты советского гражданства определяется Законом о гражданстве СССР»). То есть, до момента своего изгнания они находились в устойчивой политико-правовой связи сначала с Аз.ССР, а уже через нее с единым Союзом ССР. А поэтому они имеют право селиться на территориях бывшей Аз.ССР, так как в данный момент обладают статусом беженца, который в свою очередь носит временный характер и предполагает тем самым возможность возвращения данных лиц на места их последнего гражданства. Таковыми являются ныне контролируемые НКР территории Низинного Карабаха, где в данный момент силами НКР может быть обеспечено им безопасное пребывание и безопасное развитие. Это связано с тем, что Низинный Карабах, в отличие

от других территорий под юрисдикцией НКР, имеет намного большие возможности для размещения и обеспечения нормальной жизнедеятельности указанной категории людей, чем те районы республики, которые в советское время были репрессивно ограничены рамками бывшей НКАО. Для сравнения следует напомнить, что за годы советской власти количество армян-выходцев из НКАО, проживающих в остальных регионах Аз.ССР, в 5-6 раз превышало армянское население собственно НКАО (хотя этому способствовали не только объективные социально-экономические причины и ограниченность природных и материальных средств, но и откровенная государственная политика властей Советского Азербайджана по выселению армян из НКАО, в результате которой к концу 1980-х гг. автономия покинуло свыше 80% ее населения). Однако, данные территории Низинного Карабаха тем не менее не являются достаточной материальной компенсацией для тех бывших граждан Аз.ССР, которые покинули эту республику в 1988-1990-х гг. в результате массовых гонений и геноцида. Качественное сопоставление того недвижимого имущества, которое имели армянские граждане бывшей Аз.ССР, жившие в г. Баку, Кировобаде, Сумгаите и др., показывает, что речь идет примерно о 100-110 тысячах квартир и собственных домов, оставленных ими в результате депортации. Учитывая тот факт, что армяне в Аз.ССР, имея своеобразный профессиональный ценз (в частности, они

традиционно составляли большинство ведущих специалистов в нефтяной промышленности Советского Азербайджана и т.д.) и уровень высшего образования, пахотились в лучшем материальной состоянии, чем остальное население бывшей Аз.ССР (в том числе населенных к концу 1980-х гг. азербайджанцами районов Низинного Карабаха), некоторые имели по 2-3 квартиры и т.д., это не может быть достаточной гарантией и компенсацией за их потери. Вместе с тем, речи не может идти о том, что они могут вернуться в прежние места своего проживания, учитывая перманентную практику больших и малых геноцидов в отношении армянского населения, осуществляемых любыми властями Азербайджана в течение всего прошлого века. Если даже в советский период, когда наличие сильной центральной власти, которая в значительной мере контролировала власть на всех вертикалях, не смогло предотвратить проявление перманентных репрессий, дискриминации в отношении армян Азербайджана, приведшее, в конце концов, к геноцидным действиям против армян в Сумгаите в 1988 г., в Баку в 1990 г., а также в остальных армянонаселенных районах Азербайджана, то как нынешний Азербайджан, где армянофобия и армяноненавистничество возведены в ранг государственной политики, может обеспечить безопасность и нормальную жизнедеятельность бывших граждан Аз.ССР. Поэтому единственным выходом может являться этническое размежевание и единственными территориями, где

репрессированным бывшим гражданам Аз.ССР может быть предоставлена возможность безопасного проживания, являются районы Низинного Карабаха, находящиеся под юрисдикцией НКР.

Вместе с тем, уже исходя из того, что НКР может предоставить им определенные гарантии безопасности и соответственно взять данную категорию лиц под свою непосредственную государственную защиту, появляется необходимость оформления политико-правовой связи между указанными лицами и НКР в виде гражданства последней.

Категория лиц, которая покинула страну своего предыдущего гражданства (Аз.ССР и через нее единый СССР), имеет право на получение гражданства НКР по признанию, исходя, как минимум, из того факта, что когда-то НКАО была включена в состав Аз.ССР (формально, оставив в стороне законность такого включения¹²) и поэтому является в определенной степени правопреемницей Аз.ССР, так как:

1. Ныне существующая АР отказалась быть правопреемницей Аз.ССР и, приняв Декларацию от 30 августа 1991 г., провозгласила существовавшую в 1918-1920 гг. АР своей предшественницей в правовом смысле;
2. Армяне наравне с азербайджанцами были государство-

¹² См. подробнее: *Манасян А.С.* Карабахский конфликт в ключевых понятиях и избранные темы в расширенном формате. Ереван, 2002.

образующей нацией, созданной в 1920-гг. Азербайджанской ССР хотя бы в силу того факта, что имели единственное на территории Аз.ССР национальное образование и которое осталось тем государственным образованием, что несет ответственность за всех армян, проживавших до 30 августа 1991 г. на территории Аз.ССР. Поэтому армяне-беженцы из Аз.ССР имеют право на приобретение гражданства НКР по признанию.

Основная масса азербайджанского населения НКАО покинула места своего расселения (например, ряд кварталов г. Шуши) после провозглашения Декларации независимости НКР 2 сентября 1991 г. и Референдума о независимости 10 декабря того же года. Причем возможность участвовать в референдуме у них была, никто не запрещал им участвовать в нем, но с их стороны он был проигнорирован. Несмотря на активное участие в борьбе против законного права подавляющего большинства населения Карабаха на создание независимого государства, НКР, тем не менее, должна сохранить за данной категорией лиц право на возвращение и реинтеграцию в государство и гражданское общество Карабаха в качестве полноправных граждан.

Необходимо отметить следующий военно-политический момент: если декларация 2 сентября 1991 г. и подтвердивший ее референдум 10 декабря того же года были направлены на создание НКР в

искусственно навязанных и произвольно установленных границах НКАО как определенный жест доброй воли со стороны НКР¹³, то в дальнейшем, в связи с перемещением конфликта из политико-правовой плоскости в плоскость открытого военного противостояния по причине непринятия официальным Баку мирного характера провозглашения независимости НКР в рамках НКАО (плюс Шаумяновский район и Геташенский подрайон), Нагорно-Карабахская Республика была вынуждена вступить в военную фазу отстаивания своего законного права, посредством организации самообороны.

Руководство АР попыталось военным путем не только лишить вторую государствообразующую нацию бывшей Аз.ССР ее права на собственный путь политического развития, но и физически полностью изгнать или уничтожить ее. Тем самым именно на руководстве Азербайджана лежит полная ответственность как за развязывание военных действий, так и за их результаты, в том числе в вопросе материальной компенсации всем пострадавшим в результате этих действий беженцам и ВПЛ, вне зависимости от их национальности.

¹³ Хотя в реальности у бывших граждан Аз.ССР, представителей второй государствообразующей нации – армян, была возможность проведения референдума о независимости 10 декабря 1991 г. лишь на территории НКАО и Шаумяновского района ввиду того, что из других территорий своего исторического проживания (а также части самой НКАО – ряда сел Гадрутского района и Бердадзорского подрайона) в результате этнических чисток они к этому времени были уже полностью изгнаны и депортированы.

нальности или нынешнего гражданства. Ведь именно руководство АР (при поддержке частей бывшей Советской Армии и заменивших их российских войск) начало активные военные действия против полностью блокированного, находящегося в анклавном состоянии населения НКР, которое в этих условиях никак не могло быть инициатором начала войны. Именно руководству АР принадлежит инициатива применения в ходе военного конфликта все новых и новых видов вооружения и военной техники, начиная от тяжелой бронетехники и артиллерии до боевых вертолетов и самолетов, приведших к значительным жертвам, особенно среди мирного населения. Именно Азербайджан при попустительстве руководства министерства обороны РФ фактически присвоил и захватил почти все вооружение и военную технику дислоцированных на его территории частей бывшей Советской Армии, при этом им были нарушены взятые на себя обязательства по **Договору об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г.**, участником которых АР стала после подписания **Ташкентских соглашений от 15 мая 1992 г.** (включающих в себя **Соглашение о принципах и процедурах осуществления Договора об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г.** и **Протокол о максимальных уровнях для наличия вооружений и военной техники**)¹⁴.

¹⁴ *Минасян С.* Проблемы ограничения и контроля над вооружениями на Южном Кавказе // *Центральная Азия и Кавказ*, № 6, 2004. С.39-48.

Однако, как известно, несмотря на подавляющее численное и техническое превосходство вооруженных сил Азербайджана, в результате успешных действий в ходе военной фазы конфликта Армия обороны НКР заняла территории бывшей Аз.ССР (которые использовались как военные базы азербайджанских войск и откуда осуществлялся постоянный обстрел мирных населенных пунктов НКР), но не территории нынешней АР и закрепилась на них, осуществляя по сей день эффективный контроль над ними. Спорность данных территорий может быть обозначена хотя бы в том, что на период активной фазы противостояния, которая началась именно после референдума 10 декабря 1991 г., т.е. с 1992 г., данные территории несколько раз переходили «из рук в руки», т.е. меняли субъекта контроля - НКР и АР. В силу этого, могла бы создасться ситуация обратная нынешней, когда АР приобрела бы контроль не только над данными территориями, но и над территориями собственно бывшей НКАО в тех пропорциях, в которых сейчас НКР контролирует территории бывшей Аз.ССР.

Однако, в правовом отношении, нынешняя ситуация более законна, т.к., еще раз повторимся, АР не является правопреемницей Аз.ССР и поэтому она не может претендовать в абсолютном, не терпящем никакого контраргумента смысле на всю территорию бывшей Аз.ССР. Таким контраргументом в правовом смысле выступает «эффективный контроль» НКР над теми своими историческими тер-

риториями, над которыми ни Азербайджанская Демократическая Республика «образца 1918-1920 гг.», ни Азербайджанская Республика «образца 1990-х – 2000-х гг.» никогда такого контроля не осуществляли, равно как и не имели тех легитимно установленных или признанных международным сообществом границ, на которые в настоящее время предъявляет претензии руководство Азербайджана. В частности, напомним, что образованная в 1918 г. в результате турецкой агрессии в Закавказье и впервые появившаяся на политической карте АДР предъявила необоснованные территориальные претензии ко всем соседним государствам на территории от Баку до Батуми, представив в 1919 г. в Лигу наций соответствующий документ. Однако Лига наций не посчитала эти претензии АДР законными (что явилось главной причиной отказа Лиги де-юре признания АДР) и данное государство покинуло политическую карту мира без международно признанных и легитимных границ. Азербайджанская Республика, провозглашенная в 1991 г., фактически вернулась к правовым реалиям 1918-1920 гг., тем самым став правопреемницей государства, не имевшего международно признанных границ, и соответственно, каких либо прав на территории, ныне находящиеся под юрисдикцией НКР. Более того, даже принятие Азербайджана в ООН, ОБСЕ и ряд других международных организаций (равно как и остальных постсоветских государств) явилось следствием инерции международной правосубъектности

СССР и не предполагало какого-то признания этими организациями тех границ и территорий, на которые сейчас предъявляет права официальный Баку.

Человекоцентричность, верховенство прав и свобод личности, как принципы мирного «территориального развода» государств

Традиционное понимание понятия «межгосударственный конфликт», которое сконцентрировано на исключительном оперировании такими категориями, как «государство», «национальная безопасность», «национальные интересы» и др., страдает своей элитичностью. Зачастую упускается сама суть конфликта, реальный источник его возникновения, существо процесса его развития и необходимый результат его разрешения, к которому необходимо стремиться. Все конфликты на постсоветском пространстве, так или иначе носящие межгосударственный характер своим источником возникновения, лежащим на поверхности, имели межнациональное или этническое противоборство. Данный поверхностный подход, концентрирующий свое внимание исключительно или почти исключительно на этническом измерении, уповании на исключительный характер воли национальных элит конфликтующих государств, не дает ни адекватного понимания сути конфликта, ни, тем более, эффективного и взаимоприемлемого (конечно, относительно) пути их разрешения. Другими словами, за государствами не просматривается человек с его правами и законными интересами.

Указанные конфликты на постсоветском пространстве имели своим глубинным и фундаментальным основанием, не просматри-

намным в своей первоначальной фазе или не до конца осознаваемым тогда, нарушение прав и свобод человека, их ограничение, носящее широкомасштабный и, главное, вероломный характер. Люди перестали ощущать себя в безопасности, как следствие их политико-правовой статус пришел в столкновение с их реальными ожиданиями; они формально состояли в политико-правовой связи с тем государственным образованием, которое не только не обеспечивало их безопасность, не только не брало на себя ответственность за это обеспечение, но и являлось самим источником состояния «незащищенности» и угрозы безопасности человека. Особенно четко факт противоречия между политико-правовым статусом личности и состоянием его защищенности (безопасности) был представлен в государственно-правовой практике бывшей Аз.ССР с начальной фазы карабахского конфликта и до того момента, как последний ее гражданин был изгнан по критерию своей этнической принадлежности. Армяне Карабаха не начинали конфликта с Аз.ССР в том понятии, какое вкладывается в его смысл по традиционному государственному измерению. Иначе говоря, в своем первоначальном развитии, в своем источнике требования армянского населения Карабаха носили строго правовой характер и в формальном (соблюдение всех установленных и действующих на тот момент норм конституционно-законодательного характера, соблюдение правовых процедур и т.д.), и в содержательном смысле (это были требования

по соблюдению, защите и гарантии их прав, поправных в недалеком прошлом и продолжавших с нарастающей силой попираться). Это не было конфликтом в территориальном измерении его осмысления: армяне НКАО уже были на тот момент государствообразующей нацией в этом, хотя и искусственно созданном и незаконном с позиций его территориального оформления, образовании (НКАО).

Вопрос территорий появился потом, а именно тогда, когда законное право государствообразующей нации на свое политико-правовое самоопределение было «поставлено под сомнение» вновь созданной АР, к которой ни бывшая НКАО, ни провозглашенная НКР никакого политического или юридического отношения не имели и иметь не могут. Сами территории, о которых сейчас АР говорит как об «оккупированных» со стороны армян, появились на карте конфликта исключительно лишь с одной фундаментальной, концептуальной целью для разрешения конфликта - служить средством, инструментом, материально-природным и экономическим обеспечением признания, соблюдения, защиты и гарантированности прав и свобод той части населения бывшей Аз.ССР, которая в наибольшей степени пострадала от конфликта, без различия по этнической принадлежности. Эти люди находились в устойчивой политико-правовой связи с Аз.ССР и прямого отношения к законным требованиям армян Карабаха не имели. Сами армяне Карабаха никогда не ставили под сомнение статус этих лиц, как граждан

Аз.ССР, исключительной причиной их исхода с территорий своей гражданско-республиканской принадлежности была развязанная Азербайджаном война. Таким образом, и бывшая Аз.ССР, и нынешняя АР в своих действиях исходили и продолжают исходить из этнополитического понимания причин конфликта, и, по всей видимости, АР будет и дальше продолжать строить свои предложения по его урегулированию опять-таки с данных позиций.

Для этнополитикоцентричных государств современности главным вопросом является вопрос территорий, они самоустраиваются от правового понимания сути конфликта, сами правовые категории если ими и используются, то только в связи с упоминанием территорий (вспомним «20% территории и 1 млн. беженцев») или в связи с односторонним и ограниченным пониманием отдельно взятых норм международного права (принцип территориальной целостности). Особенно странно, когда это происходит с государствами-членами таких международных организаций, как ООН, ОБСЕ и Совет Европы, где вопросы безопасности и соблюдения прав человека составляют единое целое, где этническое осмысление любых конфликтов является в принципе неприемлемым, где территориальное осмысление конфликтности межгосударственных отношений стало рудиментом прошлых лет (к примеру, времен «холодной войны») и, соответственно, права человека в индивидуальном и коллективном измерении ставятся на первое

место.

Не может подлежать сомнению, что в контексте урегулирования конфликта важен человек, его права и свободы, состояние его защищенности, его безопасная жизнедеятельность и развитие во всех измерениях этих понятий.

Для современной науки международных отношений в сфере безопасности стало очевидным признание не только важности, но и первостепенности безопасности отдельной личности в многомерном понимании. На это указывают теоретические исследования специалистов, работы научно-прикладного характера, а также официальные документы демократических государств и нормы международного права в данной области. Попытаемся представить связь между наукой, официальной доктриной и «идеальным состоянием» по международным отношениям и международному праву в сфере безопасности и защите прав человека следующим образом. А.Джордж и Р.Кеохане объединили все национальные интересы в сфере безопасности в три группы:

1. физическое выживание;
2. свобода - способность жителей страны выбирать форму правления и устанавливать совокупность индивидуальных прав, которые утверждаются законом и защищаются государством;
3. экономическое благополучие, предполагающее максималь-

ное увеличение экономического благосостояния¹⁵.

Канадский исследователь К. Холсти выстраивает иерархию целей, четко определяя фундаментальные, среднесрочные и перспективные цели. Фундаментальные цели отражают ценности, которые Холсти называет «стержневыми», их необходимо защищать всеми средствами и во все времена. К ним относятся: безопасность, автономия, независимость политической единицы (т.е. государства), ее политических, социальных, религиозных и культурных институтов, а также благосостояние ее граждан¹⁶.

«Доктрина национальной безопасности США различает три уровня национальных интересов страны: 1. Жизненные национальные интересы, сюда входит безопасность территории США и их союзников, безопасность американских граждан...»¹⁷. Необходимо отметить, что «Доктрина национальной безопасности США» достаточно динамичная концепция взглядов на вопросы в сфере безопасности этого государства. С периодичностью «почти каждый год в США на высшем политическом уровне за подписью президента принимается документ "National Security Strategy", где сформу-

¹⁵ Olson W.C. et al. The Theory and Practice of International Relations. New Jersey, 1983.

¹⁶ Holsti K.J. International Politics. A Framework for Analysis. New Jersey, 1987.

¹⁷ Современные международные отношения // Под ред. Торкунова А.В. М., 2000. С.286-287.

лированы важные интересы страны и наиболее вероятные источники вызовов и угроз им»¹⁸. Однако, в своей основе, относительно иерархии защищаемых ценностей и интересов, она постоянна - здесь всегда в число фундаментальных ценностей входит личность, ее права и свободы.

Российские исследования в данной сфере прошли этап становления и сейчас находятся на тех же позициях признания фундаментальных ценностей в демократическом государстве. Так, в концепции общей безопасности С.Панарина ядром выступает указанная выше многомерность безопасности отдельной личности, находящая свое выражение в следующем виде:

«1. Обеспечение физической безопасности, противодействие факторам, которые могут угрожать жизни и здоровью человека; 2. Экономическая безопасность, т.е. обеспечение занятости и достаточного вознаграждения за труд, защита сбережений и собственности; 3. Социальная безопасность - достойный статус в обществе, а также государственные и общественные институты, гарантирующие защиту первых двух упомянутых аспектов безопасности; 4. Этнокультурная безопасность как возможность сохранения и свободного развития этносов и культур, с которыми идентифицирует себя личность; 5. Безопасность достоинства - качественный пока-

¹⁸ Коновалов А.А. Современные международные отношения и мировая политика // Под ред. Торкунова А.В. М., 2004. С.274.

затель, демонстрирующий, что для свободной личности в демократическом обществе цена безопасности может иметь не меньшее значение, чем сама безопасность. Если за безопасность надо платить унижением, отказом от убеждений и, подавлением индивидуальности, то это понятие вырождается в чисто биологическую, видовую категорию»¹⁹.

В 2000 г. увидела свет новая редакция «Концепции национальной безопасности» РФ, в ней национальная безопасность России определена как «система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства (налицо приоритетность субъектов обеспечения безопасности - прим. авторов) во всех сферах жизнедеятельности».

В Хартии европейской безопасности ОБСЕ 1999 г. говорится: «Мы вновь подтверждаем, что уважение прав человека и основных свобод, демократии и верховенства закона занимает центральное место в принятой ОБСЕ всеобъемлющей концепции безопасности» (пункт 19).

Таким образом, в вопросе первоочередного учета интересов личности в сфере безопасности на доктринальном, национальном и международном уровнях существуют в целом консенсусные подходы. Состояние безопасности личности можно представить находящимся на трех опорах: гуманитарной (непосредственно чело-

¹⁹ Коновалов А.А. Указ. соч. С. 271.

веческой, личной), социально-экономической и военно-политической. Данная терминология находится в полном соответствии с концепцией **Хартии европейской безопасности ОБСЕ 1999 г.**: «Мы будем строить наши отношения в соответствии с концепцией общей и всеобъемлющей безопасности, руководствуясь принципами равноправного партнерства, солидарности и транспарентности. Безопасность каждого государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех других. Мы будем рассматривать человеческое, экономическое и военно-политическое измерение безопасности как единое целое» (пункт 9).

Правда, в тексте Хартии говорится не об опорах, а об измерениях безопасности личности, а через ее безопасность и состоянии защищенности общества и государства. Необходим фундамент такого обеспечения. Им может и должен являться институт прав и свобод человека и гражданина. Взаимозависимость двух субъектов права - личности и государства в данном контексте очевидна, более того - налицо определенное сближение уровней признания их правосубъектности, проявляющееся в так называемой системе корреспондирующих прав и обязанностей. У личности есть право на признание своей правосубъектности, где бы она ни находилась (статья 6 **Всеобщей декларации прав человека 1948 г.**; статья 16 **Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.**), на признание за собой со стороны государства прав и свобод чело-

века, носящих естественный характер, на признание за собой со стороны конкретного государства своего гражданства всего комплекса прав и свобод человека и гражданина, у нее есть право на безопасное развитие в рамках государства, где она вместе с другими личностями выступает носителем суверенитета и единственным источником власти этого государства, а у государств, так или иначе вовлеченных в соблюдение и реализацию этих прав, есть соответствующие этим правам обязанности. И наоборот, у государств есть право на обеспечение соблюдения со стороны личностей законов и другого нормативно-правового регулирования, и поэтому появляются соответствующие этим правам обязанности уже самой личности (например, статья 6 **Конвенции о статусе апатридов 1954 г.**: «У каждого апатрида существуют обязательства в отношении страны, в которой он находится, в силу которых, в частности, он должен подчиняться законам и постановлениям, а также мерам, принимаемым для поддержания общественного порядка»).

Внутренне право демократических государств с очевидностью имеет тенденцию к гомоцентричности. Международное право также обнаруживает уже на продолжительном отрезке времени своего развития данную тенденцию, придавая все большее значение обеспечению интересов и прав человека. Уходит в прошлое приращение человеку качества объекта, а не субъекта права. «Даже в недалеком прошлом человек рассматривался как объект международного

права. В одном из докладов, представленном в процессе подготовки Гаагской конференции по кодификации международного права 1930 г., говорилось, что индивиды являются не субъектами международного права, а лишь объектами»²⁰.

Современное понимание права, которое оформляется в разработанной и предложенной академиком В.С. Нерсисянцем либертарно-юридической концепции, зиждется на человекоцентричном подходе, находящем свое выражение в принципе формального равенства. Согласно данной концепции, указанный принцип представляет собой единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права - всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости. «Это триединство сущностных свойств права (три компонента принципа формального равенства) можно охарактеризовать как три модуса единой субстанции. Как три взаимосвязанных и подразумевающих друг друга значения единого смысла: одно без другого (одно свойство без других свойств) невозможно. Присущая праву всеобщая равная мера - это именно равная мера свободы и справедливости, а свобода и справедливость невозможны вне и без равенства (общей равной

²⁰ Лукашук И.И. Концепция права международной ответственности // Государство и право, №4, 2003. С.85.

меры)»²¹.

Такое понимание права имеет своим центром и ядром права и свободы человека. Все три свойства принципа формального равенства либертарно-юридической концепции - мера регуляции, свобода и справедливость, имеют свои реальные воплощения, через которые только и возможно их практическое осуществление и эффективное развитие прав и свобод человека. В правах человека выражена мера свободы. «В пределах формального закрепления свободы осуществляется самоопределение личности, устанавливаются условия реального пользования социальными благами в различных сферах политической, экономической, социально-культурной жизни»²². Во внутригосударственном праве принято подходить к правам человека с комплексных позиций, когда отдельные разновидности этих прав в своей сумме приобретают черты системного характера. В комплекс прав и свобод человека входят личные, политические и социально-экономические права и свободы. Необходимо отметить, что основание такого подхода к делению прав и свобод на отдельные виды и в то же время обязательность их комплексного, системного восприятия были заложены в так называемом **Международном билле о правах человека (Всеобщая декларация**

²¹ Нерсисянц В.С. Основные концепции права и государства в современной России. Материалы «круглого стола» в центре теории и истории права и государства ИГП РАН // Государство и право, №5, 2003. С.6

²² Лукашева Е.А. Теория права и государства. М., 1995. С.235.

1948 г. и Международные пакты 1966 г.).

Личные права определяют свободу человека в сфере его личной жизни, его юридическую защищенность от какого-то вмешательства незаконного характера. Ими являются: право на жизнь, на личную неприкосновенность; право на уважение, защиту чести и достоинства; свобода совести.

Политические права принадлежат только гражданам государства и могут быть реализованы ими только в его рамках. Они отражают возможности личности участвовать в политической жизни государства (права на участие в политических объединениях; право избирать и быть избранным; право на равный доступ к любым государственным должностям; право участвовать во всенародных голосованиях (референдумах) и т.д.). Важно то, что «политические права являются непременным условием (подчеркнуто авторами) реализации всех других прав граждан, поскольку они образуют основу системы демократии и выступают как средство контроля за властью»²³.

Социально-экономические права в своем идеале призваны обеспечить человеку достойный жизненный уровень (право на труд, на социальное обеспечение, свобода предпринимательства, право на частную собственность и др.).

Если проводить аналогии и сравнивать понятия «измерения

безопасности» и «права и свободы человека», то очевидными становятся следующие выводы. Безопасность, как состояние защищенности личности во всех ее измерениях, достижима только если подходить к ее осмыслению и эффективному достижению через признание и соблюдение, защиту и гарантированность прав и свобод человека. Главную ответственность за обеспечение обозначенных компонентов прав человека, и за создание реальных условий в сфере обеспечения безопасности личности несет государство. Все это указывает на необходимость доверительных отношений между личностью и государством, особенно в том случае, когда между ними может сформироваться устойчивая политико-правовая связь (гражданство) и, тем более, если она уже существует. Что значит понятие «доверительность отношений»? Терминология, входящая в обиход международно-правового сотрудничества государств (меры укрепления доверия между государствами по документам и в деятельности многих международных организаций, например, таких как ОБСЕ) может быть распространяема и на внутреннюю практику общения между государством и личностью. Указанная связь между измерениями безопасности (по терминологии ОБСЕ человеческого (гуманитарного), социально-экономического и военно-политического характера) и правами и свободами человека (соответственно личные, социально-экономические и политические) обнаруживает кажущееся несоответствие. Если зеркальность и потому корреспонден-

²³ Лукашева Е.А. Указ. соч. С.239.

дирующая связь между человеческим (гуманитарным) и социально-экономическим измерениями безопасности и личными, социально-экономическими правами и свободами налицо, то появляются сомнения о таком же зеркальном соответствии военно-политического измерения безопасности и политических прав граждан конкретного государства.

Было отмечено, что в сфере международного сотрудничества государств по военно-политическому взаимодействию между ними стало широко употребляемым понятие «меры укрепления доверия». Вчерашние враги, пытаясь найти общие точки соприкосновения, преодолеть существующее между ними состояние недоверия, идут на определение мер укрепления двустороннего сотрудничества, на дальнейшую реализацию преодоления конфликтного потенциала. Во внутригосударственной практике это не менее важно, но уже в диалоге между личностью и государством. Ситуация, когда возможно недоверие между личностью и государством, определенная дистанцированность обоих субъектов права друг от друга, особенно зримо присутствует в государственно-правовой практике постсоветских республик. Причем данная ситуация возможна в двух случаях:

1. Личность и государство уже связаны политико-правовыми отношениями устойчивого характера;
2. Личность и государство еще не связаны таковыми, но

существуют определенные предпосылки и благоприятные условия для таких отношений.

Следует сконцентрировать внимание на втором случае, так как он с очевидностью указывает на ущемленность в своих правах всех тех лиц, изгнанных из бывшей Аз.ССР, которые до сих пор находятся в состоянии неопределенности личного правового статуса.

То же значение, которое для государства имеет военно-политическая составляющая его безопасности на международной арене, должно иметь и признание, соблюдение, защита и гарантированность политических прав личности во внутригосударственном масштабе. Поэтому, можно с уверенностью отметить факт обязательности для государства нахождения путей конструктивного диалога с личностью, укрепление мер доверия между ними. Также очевидным представляется исключительная важность комплексного подхода к разрешению любого конфликта, учитывающему все аспекты понятия «безопасность» и весь комплекс понятия «права и свободы человека».

Политическое и экономическое несоответствие позиций сторон по поводу разрешения карабахского конфликта, различная аргументация их правовых притязаний являются следствием ущербности государствоцентричного, традиционного понимания международных отношений, догматического восприятия принципов и норм международного права, особенно в сфере международно-правового

института признания государств в качестве субъекта международного права, а в общем контексте ущербностью субъектного состава сторон, принимающих ныне участие во взаимном нахождении точек соприкосновения²⁴. Политическое и экономическое осмысление конфликта, конструирование геополитических и геоэкономических принципов его разрешения существенны, но, с очевидностью, подтвержденной 11-летней практикой, недостаточны для окончательного урегулирования карабахского конфликта. Поэтому единственным реальным вариантом эффективного использования правового подхода является возврат к человекоцентричным принципам и нормам национального и международного права – к правам и свободам человека. Именно данный правовой подход, сконцентрированный вокруг того принципа, который сторонами не оспаривается (да и не может в их нынешнем положении ставится под сомнение) - признание и защита прав человека, необходим как инструмент преодоления строго геополитического и геоэкономического разрешения конфликта. Правовой подход возможен, только он может привести к тому или иному сценарию разрешения, когда стороны будут в минимальной степени чувствовать себя «обделенными» в том или ином вопросе и, в то же время, только он способен восстановить в своих законных правах ту часть населения, которая в

²⁴ *Минасян С.* НКР в системе «непризнанных государств» // Голос Армении, 15.02.2005.

наибольшей степени пострадала от конфликта, без какого бы то ни было предпочтения или ущемления по признаку этнической принадлежности.

Всего этого невозможно добиться без реального вовлечения на равноправных и во многом определяющих позициях одной единственной и в то же время незаменимой стороны - НКР.

*Военно-политическая составляющая
урегулирования конфликта*

Если правовой блок имеет тенденцию и реальные предпосылки для разрешения конфликта в том русле, о котором говорилось выше (защита прав и свобод лиц, в наибольшей мере пострадавших от конфликта), то о военно-политической составляющей, по всей видимости, возможно говорить с позиций понятия «урегулирование». Последнее вытекает из развития ситуации в регионе и вне его, «ослаблении» и «усилении» факторов, задействованных в конфликте и вокруг него, в целом из подвижности категорий военно-политического инструментария по сравнению с более фундаментальными и поэтому более постоянными правовыми категориями, выражающими в идеале ценностный подход к человеку, его правам и свободам. Указанная разница между правовым и военно-политическим инструментарием не должна трактоваться в смысле устранения права от политики, она лишь с необходимостью указывает на принцип стремления к должному (правовое разрешение), через сущее (военно-политическое урегулирование).

Военно-политическая составляющая карабахского конфликта несет в себе ярко выраженную необходимость создания и поддержания безопасности и состояния защищенности интересов сторон в регионе. В этом плане территории Низинного Карабаха, на которые распространяется юрисдикция НКР, являются очень важным факто-

ром безопасности. Данное утверждение вовсе не означает исключительность данных территорий только с точки зрения безопасности и сохранения стабильности. Но когда гуманитарные и политико-правовые измерения карабахского конфликта не являются для Азербайджана определяющими, когда на фоне активно декларируемых реваншистских и милитаристских идей политические и правовые инициативы адекватно не воспринимаются азербайджанским руководством, нельзя не учитывать значение территорий Низинного Карабаха как важнейшего элемента безопасности и развития не только НКР, но и как условиями невозобновления военных действий. Ведь, кроме всего прочего, они будут условиями безопасности не только нынешнего населения НКР, но и всей рассматриваемой нами выше категории лиц (беженцы и ВПЛ, бывшие граждане Аз.ССР) которые в ближайшей перспективе могут стать гражданами НКР и расселиться на этих территориях.

Это вызвано, в первую очередь, усиленной милитаризацией Азербайджана и готовностью его руководства к силовому решению конфликта. При этом милитаризация Азербайджана происходит при грубом нарушении всех его международных обязательств по процедурам и механизмам контроля над вооружениями и военной деятельностью, предусмотренных ДОВСЕ и Адаптированным ДОВСЕ. К примеру, в течение всех последних лет наблюдается странная картина с количеством основных видов вооружений, которые декла-

рируются Азербайджаном в ежегодных докладах, предусмотренных ДОВСЕ. Если в первые годы после завершения военных действий в Нагорном Карабахе количество декларируемых Азербайджаном танков, боевых бронированных машин (ББМ) и артиллерийских систем намного превышали его квоты по максимально разрешенным уровням, то в последние годы Баку декларирует ровно столько, сколько ему разрешено иметь согласно Протоколу о национальных предельных уровнях обычных вооружений и техники, ограничиваемых ДОВСЕ, не производя при этом никаких сокращений военной техники. Таким образом, есть все основания утверждать, что Азербайджан в реальности значительно превышает количество ограничиваемых ДОВСЕ вооружений и техники (ОДВТ)²⁵. Как признают даже сами азербайджанские исследователи: «Так как это соглашение (ДОВСЕ – авторы) устанавливает строгие ограничения на максимальное количество военнослужащих, вооружения и военной техники Азербайджана, ему приходится скрывать реальные цифры»²⁶. Официально Азербайджан это увязывает с якобы невозможностью предоставлять информацию о вооружении подразделений своей

²⁵ См. подробнее: Минасян С. *Военно-технические аспекты региональной безопасности и проблемы контроля над вооружениями на Южном Кавказе* // Регион, № 2 (6). Ереван, 2005.

²⁶ Юнусов А. *Азербайджан: в ожидании перемен под бременем истории* // Кавказ: вооружен и разобщен / Под ред. Матвеевой А., Хизкока Д. *Saferworld*, ЦАСТ: Лондон – Москва, Февраль 2004. С.69.

армии, дислоцированных в прилегающих к НКР районах²⁷. Кроме того, т.к. согласно национальным предельным уровням (НПУ) по ДОВСЕ количество ББМ в регулярных войсках Азербайджана ограничивается 220 единицами, почти 200 единиц ББМ были переданы из министерства обороны внутренним и пограничным войскам страны, чтобы «на бумаге» снизить количество данной техники, находящейся в регулярных войсках, для формального соответствия обязательствам этой страны по договору. Тем самым, в реальности, уровень милитаризации нынешнего Азербайджана достиг такого уровня, что, по словам начальника Главного штаба Вооруженных сил Армении генерал-полковника Микаэла Арутюняна, у Азербайджана в настоящее время в 1,5-2 раза больше танков и ББМ, в 2-2,5 раза больше артиллерийских систем и т.д. Естественно, что в ситуации, когда международное сообщество не может выдвинуть реальных механизмов противодействия усиленной милитаризации Азербайджана в нарушение всех норм и процедур по контролю над вооружениями, НКР вынуждена сама каким-то образом компенсировать складывающуюся неравномерность в военных потенциалах сторон, учитывая несоизмеримость их социально-экономических, демографических и иных показателей.

В сложившихся условиях военно-политический баланс

²⁷ Lachowski Z. *Arms Control in the Caucasus // Armament and Disarmament in the Caucasus and Central Asia. SIPRI: Stockholm, 2003. P.34-36.*

можно охарактеризовать как качественно-количественное равенство противоположных сил, где наряду с чисто техническими показателями важную роль играет географический фактор и нынешняя удобная для оборонительных действий конфигурация границ НКР, которые одновременно являются линией военного соприкосновения сторон. Естественно, количественное превосходство вооруженных сил Азербайджана в боевой технике и в численности личного состава во многом компенсируется качественным превосходством (т.е. боеспособностью) Армии Оборона Нагорного Карабаха (как основного гаранта безопасности народа НКР) и вооруженных сил Армении. Но при этом надо также учитывать комплексное соотношение как различных типов и систем вооружений, так и возможность их эффективного применения в случае возможного возобновления военного конфликта: превосходство Азербайджана в наступательных вооружениях компенсируется оптимальностью (с военной точки зрения) нынешних оборонительных позиций вооруженных сил НКР. Как указывают авторитетные военные эксперты: «Эта система качественно-количественного равенства достаточно устойчива к внешним или внутренним воздействиям: простое увеличение численности вооруженных сил или количества военной техники одной из сторон, к примеру, в два раза, даст увеличение по качественно-количественному критерию в меньшее значение, чем

два»²⁸. Иными словами, нынешняя конфигурация оборонительных позиций Армии обороны НКР позволяет ликвидировать или компенсировать угрозу для региональной безопасности, которую создают бесконтрольные и массовые закупки Азербайджаном вооружений и военной техники. Для инициатора вероятного возобновления конфликта, каким может являться Азербайджан, в этом случае повышается уровень возможных потерь в случае начала военных действий, что является реальным элементом его сдерживания. Тем самым, повышается значимость территорий Низинного Карабаха с точки зрения фактора безопасности и стабильности на линии противостояния Азербайджана и НКР.

Надо также отметить, что с точки зрения жизнеспособности и безопасности НКР территории Низинного Карабаха являются также важнейшим фактором ввиду наличия общей границы с Исламской Республикой Иран. Нет необходимости особо подчеркивать, насколько важно для безопасности и дальнейшего нормального развития населения НКР наличие альтернативных вариантов преодоления анклавности и экономической изолированности.

²⁸ *Кенжетаев М.* Оборонная промышленность Республики Армения // Экспорт вооружений, №3, 1997. С.7-11.

*От военно-политического противостояния
к гуманитарно-правовому диалогу*

Провозглашенная Декларацией независимости 2 сентября 1991 г. НКР получила легитимность от своего единственного источника власти и носителя суверенитета - народа, путем референдума, проведенного 10 декабря 1991 г., и была официально подтверждена Декларацией парламента НКР от 6 января 1992 г. Легитимность ее образования как с позиций предшествующего советского законодательства, так и с позиций принципов и норм международного права является свершившимся фактом.

НКР образовалась не в рамках и пределах бывшей НКАО, а на собственной территориальной основе, включающей как территорию бывшей НКАО, так и близлежащие к ней исторические земли. НКАО была создана в незаконно ограниченных территориальных рамках, искусственно определяемых руководством Советского Азербайджана после 1921 г. и до начала 1988 г.²⁹ Сама НКАО

²⁹ Своим известным решением от 5 июля 1921 г. Кавбюро РКП(б) постановило: «Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую областную автономию». Однако, принятый 7 июля 1923 г. Декрет Азербайджанского Центрального Исполнительного Комитета (АзЦИК) «Об образовании Автономной области Нагорного Карабаха» в нарушение Постановления Кавбюро решил: «...образовать из армянской части Нагорного Карабаха автономную область...». Тем самым, самовольным решением органов Советского Азербайджана вне образованной Автономной области Нагорного Карабаха (АОНК) были оставлены южные (Кубатлу, Зангелан, Физули, Джабраил),

представляла собой непонятное образование с позиций государственно-правового оформления прав одной из государствообразующих наций Аз.ССР. Автономия советского образца это даже не государствовподобное образование, а ленинско-сталинский путь «разрешения национальных противоречий». А если так, то как можно брать за основу эту искусственную модель этнополитического понимания территориальных размежеваний, за которой абсолютно не прослеживается личность человека, ее права и свободы. НКАО была детищем Союза ССР и вместе с ним канула в лету.

Нынешняя НКР обращается к опыту квазигосударственного существования НКАО с целью не определения своих территориальных рамок государственного суверенитета с позиций его советского восприятия (государственная воля, возведенная в закон), а исключительно для способствования внедрению нового подхода, который присущ любому истинно демократическому государству. Источником суверенитета и носителем власти НКР является ее народ, а не какая-либо одна национальная группа, отсюда сам народ должен определять пределы (имеется в виду пространственные рамки)

западные (Лачин, Кельбаджар), центральные (Ханлар, Шаумян) и северные районы (Кархат/Дашкесан, Гетабек, Шамхор) районы Карабаха, хотя во многих этих районах в момент принятия Декрета АзЦИКа армяне составляли большинство населения. Впоследствии АОНК в 1936 г. была переименована в Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО). См. подробнее: Манасян, А.С. Указ. соч.

государственно-правового суверенитета того коллективного образования, которое создается его законной волей и которое призвано осуществлять его путь политического самоуправления и развития. Для такого понимания государственно-правового суверенитета территории сами по себе не значимы, они не представляют ценности, если рассматриваются в отрыве от прав и свобод человека. Личности, как субъекты права, наделенные признанными и обеспечиваемыми мощью коллективного образования в лице государства правами и свободами, объединяются в политически организованный союз, который определяет свои территориальные устремления с соблюдением всех демократических процедур, в соответствии с конституционно-правовыми нормами данного политического союза и в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права.

НКР может в одностороннем порядке не определять статус тех территорий, которые формально лежат за пределами Декларации 2 сентября 1991 г. и Референдума 10 декабря 1991 г., хотя само понимание территории НКР, как территории бывшей НКАО в корне неверно. Еще раз отметим, что НКАО была ничем с позиций современного понимания государственности и суверенитета народа, с позиций демократического восприятия легитимности нового субъекта международного права, с точки зрения исключительного признания и защиты прав и свобод человека, живущего в ее преде-

лах. Сам конфликт имел своим источником и главной причиной его сползания в фазу военного противоборства нарушения прав человека, носящие широкомасштабный и вероломный характер, нарушения прав не только отдельной личности (индивидуальных прав), но и коллективных прав подавляющего большинства народа на конкретной территории (права на самоопределение, право на развитие, право на безопасную жизнедеятельность). Поэтому главной целью НКР, ее миссией в государственно-правовом осмыслении является устранение продолжающегося несправедливого подхода, имеющего свое выражение в ограничении законных прав бывших граждан Аз.ССР на их политико-правовой выбор, на возможность связать свою дальнейшую судьбу с государственным образованием, которое возьмет на себя реальную ответственность за защиту и обеспечение их прав и свобод. Бывшая территория НКАО (необходимо подчеркнуть, что само понятие «территория НКАО» несет в себе скорее чисто словесное выражение, ибо ни границ в строгом международно-правовом понимании этого термина, ни каких-либо других строго очерченных линий распространения государственно-правового суверенитета для автономного образования, тем более на уровне области, в бывшем Союзе ССР просто не существовало, а были лишь административно-территориальные рамки партийной ответственности разных уровней советской власти) - это очаг, точка распространения суверенитета народа НКР и, таким образом, только он

может принимать решения о пространственных рамках этого суверенитета.

Мы говорили об ущемленности определенной категории лиц бывшей Аз.ССР, изгнанной из ее пределов и находящейся сейчас на неопределенном политико-правовом положении в третьих странах. Указывались две основные категории этой группы лиц, первая из которых непосредственно переселилась на территорию РСФСР, но в силу тех или иных, обозначенных во второй части работы, причин не получила постоянного статуса. Вторая категория переселилась на территорию Арм.ССР, но в дальнейшем покинула ее правопреемницу - РА, и переместилась на территорию РФ и в данный момент люди этой категории пребывают на положении лиц без гражданства (апатридов).

Обе данные категории лиц объединяет факт ограничения и лишения их права на собственный выбор политико-правового самоопределения. Иными словами, данным категориям лиц нигде не было предоставлено право на политический выбор, право на свой голос в референдумах о независимости и в референдумах о принятии новых конституций вновь создаваемых республик. Как следствие, их другие права неполитического характера (личные и социально-экономические) также в той или иной степени пострадали и не могут расцениваться полностью признаваемыми или защищаемыми каким-либо государством. Понятно, что люди не получили право на

голос, избирательные права, так как они не являлись гражданами данных стран, а как известно, политическими правами обладают исключительно лица, находящиеся в устойчивой политико-правовой связи с государством. Фактические обстоятельства неполучения права на гражданство, которое является не только логичным продолжением уже существующей более или менее устойчивой политико-правовой связи, но и прямо предписано во многих универсальных документах международного права (ст. 15 Всеобщей декларации прав человека 1948г., ст.ст. 16 и 24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966г., ст. 32 Конвенции о статусе апатридов 1954г. и ст. 34 Конвенции о статусе беженцев 1951г.), были затронуты авторами выше. Права и свободы человека не могут быть ограничены в силу политических интересов какого-либо государства, отсутствия его политической воли в вопросе наделения людей, проживающих на территории данного государства, существенной частью прав и свобод из общего комплекса этого института. Ограничение возможно, но только, как уже было указано выше, в случае если имеющиеся права и свободы определенного характера приостанавливаются в своей реализации в соответствии с условиями, ограниченными как общие принципы (например, как указано в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.). Если же самих прав и свобод определенного характера (имеются в виду политические права и свободы гражданина) вовсе нет, то в

таком случае нарушается право любого человека на получение гражданства в разумные сроки после своего продолжительного пребывания на территории государства, гражданином которого он имеет право стать.

Для двух категорий граждан бывшей Аз.ССР и Союза ССР эта ситуация растянулась на 15 лет, что не уместается в разумные сроки и требует срочной корректировки. Единственным государственным субъектом, который может взять на себя право и обязанность по наделению данных лиц всем комплексом прав и свобод, а значит предоставить им статус своих граждан со всеми вытекающими из данного шага политико-правовыми последствиями, является НКР. Данная аргументация исходит из следующих положений.

Каждая из сторон конфликта провела свой референдум о независимости и тем самым стала субъектом международных отношений и международного права (здесь мы устранимся от политического контекста в институте признания международного права). Референдумы прошли в один и тот же отрезок времени: Армения - 21 сентября 1991 г., НКР - 10 декабря 1991 г. и Азербайджан - 15 декабря 1991 г. Мы не говорим о Декларациях независимости данных субъектов, так как нам важен именно институт референдума – непосредственного и наиболее демократичного выражения воли народа. Проведенный АР 15 декабря 1991 г. референдум не охватывал НКР, провозглашенную 2 сентября и подтвержденную волей ее народа

10 декабря 1991 г. Мы не используем понятие «референдум на территории» или «не охватывал территории», ибо самой территории с четко очерченными линиями (не говоря уже о границах) государственно-правового распространения суверенитета абсолютно не существовало. На тот момент были территории, которые более или менее эффективно контролировались сторонами и, в силу этого, была ситуация перехода территорий «из рук в руки» по несколько раз. На тот момент стороны могли только с уверенностью сказать, что НКР контролирует территорию своей столицы - Степанакерта и близлежащую к нему территорию, а АР контролирует свою столицу - Баку и возможно несколько большую близлежащую к нему территорию. Также, два референдума (НКР и АР) «объединяет» тот факт, что лица, в наибольшей степени пострадавшие от конфликта, изгнанные с территории бывшей Аз.ССР, не получили право голоса на них, хотя причиной этому были конечно же абсолютно разные обстоятельства.

Декларации и референдумы о независимости НКР и АР не могли ответить на территориальные вопросы и с определенностью показать пространство распространения государственно-правового суверенитета вновь создаваемых образований. Это не говорит о том, что последовавшие за ними открытые военные действия между сторонами и имеющиеся на сегодняшний день результаты этих военных действий являются исчерпывающим ответом на террито-

риальный вопрос. Это было бы в корне неверно, особенно в контексте правового осмысления конфликта.

Нас интересуют в данном блоке не военно-политическая составляющая конфликта, а его правовое поступательное развитие и поэтому мы обращаемся к следующему этапу правовых действий сторон - конституционно-законодательному строительству их правовых систем, принятию Конституций. Во-первых, сами Конституции важны как основной политико-правовой документ государства, имеющий высшую юридическую силу, прямое действие и распространение на всю территорию государства. Во-вторых, порядок их принятия - референдум, также важен для нашего исследования.

Конституция современного демократического государства является основой всей его правовой системы. «Конституция носит учредительный характер, поскольку принимается народом или от имени народа, как носителя суверенитета и единственного источника власти, а ее установления носят первичный характер»³⁰.

Конституция АР была принята 12 ноября 1995 г. путем референдума, то есть, если учитывать временной фактор, то через полтора года после подписания соглашения о перемирии в зоне карабахского конфликта в мае 1994 г. Конституция имеет распространимость на всю территорию государства, ее действие не может носить спорадический и дискретный характер. В таком случае,

³⁰ *Енгигбарян Р.В., Тадевосян Э.В.* Конституционное право. М., 2002. С.49.

возникает вопрос: что считается территорией АР по ее Конституции в смысле границ распространения государственно-правового суверенитета этого субъекта международного права?

Например, в Конституции Грузии 1995 г. говорится, что, во-первых, «Грузия - независимое, единое и неделимое государство, что подтверждено референдумом, проведенным 31 марта 1991 г. на всей территории страны, включая Абхазскую АССР и бывшую Юго-Осетинскую автономную область...» (ч.1., ст.2). Или, Конституция Молдовы (принята 29 июля 1994 г., с изменениями от 19 июля 1996 г.) указывает, что «Границы страны закреплены органическим законом с соблюдением общепризнанных принципов и норм международного права» (ст. 3(2) «Территория»). Наверное, нет необходимости объяснять почему были указаны территориальные нормы именно этих стран. На этом фоне статья 11 «Территория» Конституции АР выглядит слишком теоретически, без какого-либо намека на конкретику. Ответ на вопрос - что считается территорией АР и на возникающий сразу вопрос, а что в таком случае есть территория НКР, необходимо искать в русле исключительно правового характера, равноудалаясь и от военно-политического, и от экономического аспекта конфликта.

Конституция АР 1995 г. определила рамки своего пространственного суверенитета и только она как документ высшей юридической силы, непосредственного действия и распространимости

на всю свою территорию, а также как документ, принятый наиболее демократическим способом - референдумом, имеет для нас правовое основание. Отсюда возникает вопрос: действие Конституции АР распространяется на всю территорию бывшей Аз.ССР? Однозначно, нет (тем более, что АР и не является правопреемником Аз.ССР). В таком случае, законодательство какой стороны действует на территориях вне ее (Конституции АР 1995 г.) распространяемости? Однозначно, законодательство НКР.

Территории бывшей Аз.ССР так и остались ими (мы исходим из их последнего признанного статуса), на данных территориях существует фактический контроль НКР и действует ее законодательство.

Заключение

НКР, используя соответствующие международные нормы, может реализовать свое законное право на их применение к ситуации неопределенности как со своими ВПЛ, так и с гражданами-армянами бывшей Аз.ССР, пребывающими ныне в статусе беженцев. Здесь мы можем основываться на общем принципе временного характера статусов беженцев и ВПЛ, что подразумевает под собой постоянные пути нахождения способов по закреплению соответственно постоянного характера статуса данных лиц в виде предоставления гражданства, и на соответствующие данному принципу конкретные положения, обозначенные в действующих международно-правовых актах.

Логичным продолжением данной политики должно быть предоставление лицам, обладающим на данный момент статусом беженца или ВПЛ, права на заселение на территориях контролируемых НКР, уже в качестве полноправных граждан этой республики. НКР не должна более мириться с временным статусом данных лиц, которые в свою очередь не могут находиться бесконечно долгое время в переходном статусе своего политико-правового существования. Причем, если АР не идет на контакт с НКР по указанному выше вопросу, то Степанакерт в этом случае может действовать самостоятельно, так как АР не желает брать за основу ни нынешние

границы, на которые распространяется юрисдикция НКР, ни существовавшие при Аз.ССР квазиграницы искусственно и незаконно ограниченной в территориальном аспекте НКАО, ни вести переговоры о выяснении вопросов, связанных с реальной помощью тем лицам, которые в наибольшей степени пострадали из-за развязанного ею вооруженного конфликта.

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Правовой статус личности</i>	
<i>Права и свободы человека и гражданина</i>	
<i>Их государственная обеспечиваемость</i>	10
<i>Категории «беженец» и «вынужденный переселенец»</i>	
<i>в правовом осмыслении последствий карабахского конфликта</i>	23
<i>Человекоцентричность, верховенство прав и свобод личности, как принципы мирного «территориального развода» государств</i>	57
<i>Военно-политическая составляющая урегулирования конфликта</i>	74
<i>От военно-политического противоборства</i>	
<i>к гуманитарно-правовому диалогу</i>	80
<i>Заключение</i>	91

Тигрануи Ругинян родилась в 1934 году в Иране. Она самая младшая из четверых детей в семье Матевоса Давидяна и Агавни Меликян. Матевос Давидян по профессии был строителем и это явилось причиной того, что семья жила в маленьких городах различных провинций Ирана и как и во многих семьях, живущих вдали от Армении, армянское образование Тигрануи осуществлялось дома. Для ее родителей было важно, чтобы их дети могли писать и читать по-армянски, ценили своих предков и были патриотами. В 1954 году Тигрануи вышла замуж за доктора Джона Ругиняна. У них родилось двое детей – Эдмонд и Катя. В Иране Тигрануи рука об руку работала рядом с мужем. В Тегеране она содействовала детской больнице, заботясь о нуждающихся детях. Исходя из интересов профессиональной деятельности мужа, в 1971 году семья Тигрануи переехала в США. Следуя примеру своих родителей, на протяжении всей жизни содействующим своим молодым соотечественникам, Тигрануи вот уже более 30 лет является членом Лос-Анджелесского Армянского Благотворительного Союза. После первого посещения в 1992 году родины, она решила сделать все возможное в оказании ей помощи. Тигрануи взяла обещание со своих детей, что они тоже продолжат традицию их семьи. Под покровительством Тигрануи находится детский сад в Ариахе и одна из школ Норкского квартала Еревана. Под ее содействием издались учебные пособия для университета, а два студента того же ВУЗ-а получают стипендию. В США она покровительствует и содействует западной епархии армянской апостольской церкви, а также американскому фонду Sheepfold, занимающемуся, в частности, проблемами женщин.

Эдмонд Ругинян является старшим из детей в семье доктора Джона Ругиняна и Тигрануи Ругинян. Он родился в 1956 году в Тегеране, Иран. Здесь он учился в христианской школе и посещал скаутскую организацию Арарат. В 1971 г. он переехал с родителями в Калифорнию, США. В годы учебы в высшей школе являлся членом армянского молодежного движения, получил армянское образование и близко познакомился с армянской культурой, что дало ему возможность еще более оценить своих предков. В 1981 г. Эдмонд Ругинян окончил Университет Лонг Бич. Получив степень бакалавра в области "Бизнес-финансы", он основал общество Mortgage, которым руководит до сих пор. Следуя примеру своих родителей и предков, Эдмонд Ругинян покровительствует и содействует армянским организациям. Он является членом армянской апостольской церкви Сурб Хач (Святого Креста) и содействует процессу решения некоторых задач армянской молодежи. Он занимается меценатством в США, Ливане и НКР. Эдмонд Ругинян женат. Со своей женой-Мариной Бекарян, познакомился в Ливане. У них растет двое детей – Севак Джон и Шант Нарек.